

ЛОРД ХОРНБЛАУЭР

С.С. ФОРЕСТЕР



ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Хорнблауэр

Сесил Форестер
Лорд Хорнблауэр

«ВЕЧЕ»

1946

Форестер С. С.

Лорд Хорнблауэр / С. С. Форестер — «ВЕЧЕ»,
1946 — (Хорнблауэр)

ISBN 978-5-4444-9262-8

1813 год. Весть о том, что армия Бонапарта наголову разбита в России, породила надежды на скорый мир, однако Франция не намерена сдаваться. Веллингтон во главе стотысячной армии перешел границу, но никак не может подойти к Парижу. Казалось, война будет продолжаться, пока не вымрет вся Европа. Измученный британский флот изрядно штормит. Деспотизм звереющих от службы офицеров всколыхнул вереницу мятежей среди матросов. Хорнблауэр получает приказ – любой ценой захватить у берегов Нормандии бриг с командой английских моряков, грозящихся повесить своего распоясавшегося капитана. Душой Хорнблауэр на стороне бунтовщиков, но приказ есть приказ. Лорд и боевой офицер не может отступить, в его распоряжении 18-пушечный бриг и полная свобода действий. Но атаковать – последнее средство. Ведь шансы Хорнблауэра и мятежников равны. Тогда что же, черт побери, делать?

ISBN 978-5-4444-9262-8

© Форестер С. С., 1946
© ВЕЧЕ, 1946

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	14
Глава четвертая	19
Глава пятая	24
Глава шестая	33
Глава седьмая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сесил Скотт Форестер

Лорд Хорнблауэр

© Cassette Productions Ltd, 1946

© Доброхотова-Майкова Е.М., перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Глава первая

Резная дубовая скамья под сэрмом Горацио Хорнблауэром была исключительно жесткой, а проповедь, которую читал сейчас настоятель Вестминстерского аббатства, – исключительно скучной. Хорнблауэр ерзал, как ребенок, и, как ребенок, глазел по сторонам в попытке хоть немного отвлечься. Над головой уходил ввысь веерный свод бесспорно красивейшего здания в мире: была какая-то математическая правильность в том, как сходились и расходились нервюры готических розеток, некая вдохновенная логика. Безымянные каменотесы, создавшие этот узор, были воистину гении, опередившие свое время.

Проповедь все тянулась, и Хорнблауэр подозревал, что после нее снова начнется пение, снова его будут терзать пронзительные голоса мальчиков-хористов в белых стихарях. Вот цена, которую приходится платить за ленту со звездой, за принадлежность к ордену Бани; поскольку все знали, что он в Англии по болезни – и совершенно выздоровел, – ему никак не возможно было пропустить эту, главную, церемонию ордена. Разумеется, капелла выглядела довольно впечатляюще: тусклый дневной свет из окон вспыхивал и дробился на пурпурных рыцарских мантиях и сверкающих орденах. Да, надо признать, помпезная церемония по-своему красива, даже если не думать о ее истории. Может быть, в прежние годы та же скамья доставляла такие же мучения Хоуку или Ансону; может быть, Мальборо, в малиновом и белом, как сейчас Хорнблауэр, так же изводился и ерзал во время похожей проповеди.

Вон тот важный господин в золоченой короне и бархатном плаще, расшитом королевскими гербами, – всего-навсего герольд ордена, чей-то родственник, получающий приличный доход за то, что раз в год высиживает скучную проповедь. Рядом – принц-регент, суверен ордена, его багровое лицо неприятно дисгармонирует с пурпурной мантией. Есть здесь и военные, незнакомые Хорнблауэру полковники и генералы. Но остальные в капелле – люди, с которыми он горд состоять в одном ордене. Лорд Сент-Винсент, грузный и мрачный, человек, который с пятнадцатью линейными кораблями атаковал почти тридцать испанских. Дункан, уничтоживший голландский флот в битве при Кампердауне, и еще десяток адмиралов и капитанов, некоторые даже младше его в списке: Лидьярд, захвативший «Помону» у побережья Кубы, Самюэль Худ, командовавший «Рьяным» у Абукирка, Йео, штурмовавший испанскую крепость Эль-Муро. Хорнблауэр с легким стыдом осознавал, что ему лестно быть их собратом по ордену. И еще трижды столько героев сейчас в море (здесь присутствовали лишь те, кто в увольнении либо служит на суше) – ведут последний отчаянный бой с империей Бонапарта.

Флотский лейтенант вошел в капеллу и на мгновение застыл, отыскивая глазами лорда Сент-Винсента, затем подошел к нему и протянул большой пакет (печати были уже сломаны). Никто больше не слушал проповедь: первые люди Королевского флота тянули шеи, глядя, как Сент-Винсент читает депешу, доставленную, надо полагать, из Адмиралтейства в другом конце Уайтхолла. Настоятель сбился, потом взял себя в руки и бодро продолжил вещать в глухие уши, которым еще долго предстояло оставаться глухими, поскольку Сент-Винсент прочел депешу, ни разу не изменившись в лице, и тут же начал читать ее по второму разу. Человек, который так дерзко поставил на карту судьбу Отечества в битве при Сан-Висенти, принесшей ему нынешний титул, не желал действовать сгоряча, когда есть время подумать.

Он прочел депешу второй раз, сложил ее и обвел глазами капеллу. Два десятка рыцарей ордена Бани от волнения перестали дышать, и каждый надеялся, что Сент-Винсент посмотрит на него. Адмирал встал и подобрал полы малиновой мантии, что-то сказал ожидавшему лейтенанту и, взяв шляпу с плюмажем, вышел. Лейтенант под взглядами всех присутству-

ющих флотских офицеров двинулся поперек главного нефа. Хорнблауэр смущенно заерзал, сердце у него забилося сильнее: лейтенант шел прямо к нему.

– Его милость шлет вам свои приветствия, сэр, – сказал лейтенант, – и желал бы немедленно с вами переговорить.

Теперь наступил черед Хорнблауэра подбирать мантию и оборачиваться за шляпой, которую он чуть не забыл. Надо было любой ценой сохранить невозмутимость, чтобы другие рыцари не посмеялись над его волнением, держаться так, словно разговор с первым лордом Адмиралтейства для него – самое привычное дело. Хорнблауэр небрежно встал со скамьи, зацепился ногой за шпагу и только по милости Провидения не грохнулся на пол. Звеня шпорами и ножнами, он кое-как удержал равновесие и с величавым достоинством двинулся к выходу. Все смотрели на него: армейские офицеры – с праздным любопытством, но вот флотские – Линьярд и другие – наверняка гадали, какой неожиданный оборот приняла война на море, и каждый в душе завидовал его будущим подвигам и наградам. В дальнем конце капеллы, там, где были скамьи для привилегированной публики, пробиралась между сидящими Барбара. Заговорить под столькими взглядами Хорнблауэр не решился из опасения не совладать с голосом, поэтому только улыбнулся и подал ей руку. В следующий миг он почувствовал ее твердое касание и услышал ясный, уверенный голос: Барбару ничуть не страшило, что все на них смотрят.

– Новые неприятности, дорогой? – спросила она.

– Думаю, да, – промямлил Хорнблауэр.

За дверью ждал Сент-Винсент, легкий ветерок колыхал белые страусовые перья на шляпе и раздувал полы шелковой мантии. Первый лорд Адмиралтейства расхаживал взад-вперед на огромных раздутых ногах; белые шелковые о-де-шосс¹ и чулки еще больше подчеркивали их отечность, белые шелковые сапожки бугрились от подагрических шишек, однако даже нелепый костюм не мог отнять у этого человека его мрачного величия. Барбара выпустила локоть мужа и приотсталала, чтобы мужчины могли поговорить с глазу на глаз.

– Сэр? – спросил Хорнблауэр и тут же – он еще не привык обращаться к пэрам – поправился: – Милорд?

– Вы готовы к действительной службе, Хорнблауэр?

– Да, милорд.

– Вам надо будет выйти в море сегодня вечером.

– Есть, сэр... милорд.

– Как только эти болваны подадут карету, я отвезу вас в Адмиралтейство и вручу вам приказы, – Сент-Винсент возвысил голос до рева, каким окликал впередсмотрящего на мачте в вест-индские ураганы. – Черт подери, Джонсон, готовы лошади или нет?

Тут он заметил леди Барбару.

– Ваш слуга, мэм, – адмирал снял шляпу и, прижимая ее к груди, отвесил поклон. Годы, подагра и целая жизнь службы на флоте не отучили его от придворной учтивости, однако государственные дела по-прежнему были на первом месте, так что он тут же вновь повернулся к Хорнблауэру.

– Что вы мне поручаете, милорд? – спросил тот.

– Подавить мятеж, – мрачно ответил Сент-Винсент. – Треклятые черти снова взбунтовались. Это может стать повторением девяносто седьмого². Вы случаем не знали такого Чодвика? Лейтенанта Огастина Чодвика?

¹ Короткие штаны буфами (здесь и далее примечания переводчика).

² Сент-Винсент имеет в виду мятежи 1797 года в Спитхед и Норе, крупнейшие в истории Британского флота, когда многие опасались, что волнения перерастут в более мощное восстание, аналогичное Великой французской революции. В Спитхед моряки настаивали на своей верности Англии и подчеркивали, что их требования относятся только к тяготам службы. Адмирал Ричард Хау, пользовавшийся уважением моряков, добился королевского прощения для всех команд и

– Он был мичманом под моим командованием у Пелью, милорд.

– Так вот, он... Наконец мой экипаж, черт его дерит. Как насчет леди Барбары?

– Я поеду на Бонд-стрит в своей карете, – сказала Барбара, – а потом пришлю ее за Горацио к Адмиралтейству. Вот, кстати, и она.

Карета с кучером и Брауном на козлах как раз остановилась сразу за экипажем Сент-Винсента. Браун прыгнул на мостовую.

– Очень хорошо. Идемте, Хорнблауэр. Еще раз ваш слуга, мэм.

Сент-Винсент с усилием взобрался в экипаж, Хорнблауэр влез следом, и кони зацокали по мостовой, увлекая тяжелый экипаж. Адмирал, сгорбившись, сидел на кожаном сиденье; бледный свет из окна падал на его изборожденное глубокими морщинами лицо. Уличные оборванцы, заметив ярко одетых господ в карете, заорали «ура» и замахали драными шляпами.

– Чодвик командовал восемнадцатипушечным бригом «Молния» в заливе Сены, – начал Сент-Винсент. – Команда взбунтовалась. Его и остальных офицеров держат в заложниках. Подштурмана и четырех матросов, не примкнувших к мятежу, отпустили на гичке с ультиматумом Адмиралтейству. Гичка добралась до Бембриджа вчера вечером, бумаги мне принесли только что – вот они.

Сент-Винсент потряс депешей, которую все это время не выпускал из рук.

– Чего они требуют, милорд?

– Полного прощения. И повесить Чодвика. В противном случае обещают сдать бриг французам.

– Безумцы! – воскликнул Хорнблауэр.

Он помнил Чодвика по службе на «Неустанном»: тогда, двадцать лет назад, он был староват для мичмана. Теперь ему за пятьдесят, а он всего лишь лейтенант. То, что его так долго не повышали в чине, наверняка еще сильнее испортило и без того дурной характер. При желании он мог превратить бриг, на котором, скорее всего, был единственным офицером, в сущий ад. Вероятно, это и привело к мятежу. После страшных уроков Спитхед и Нора, после убийства Пигота на «Гермионе»³ некоторые худшие несправедливости флотской жизни были устранены. Жизнь эта оставалась суровой, но не настолько, чтобы поднять матросов на самоубийственный мятеж, если их не подталкивают какие-то особые обстоятельства. Жестокий и несправедливый капитан, умный и решительный вожак в команде – это сочетание может породить бунт. Однако, каковы бы ни были причины мятежа, подавлять его надо быстро и безжалостно. Чума и оспа не так заразны и губительны, как волнения на флоте. Позволь одному бунтовщику уйти от наказания, и все обиженные последуют его примеру.

А борьба с французской деспотией сейчас на переломе. Пятьсот военных кораблей – из них двести линейных – поддерживают британское господство на море. Сто тысяч солдат под командованием Веллингтона пробиваются через Европу в Северную Францию. А в Восточной Европе Бонапарта теснят русские и пруссаки, австрийцы и шведы, хорваты, венгры и голландцы – всех их кормит, одевает и вооружает Англия. Ее силы на пределе. Бонапарт бьется за свою жизнь, он хитер и решителен, как никогда. Еще несколько месяцев самотрепаченного упорства, и тирания рухнет, обезумевшее человечество обретет мир; мгновенная слабость, тень сомнения – и Европа погрузится во мрак деспотии на десятилетия, на века.

удовлетворения их требований, после чего порядок был восстановлен. В Норе восставшие выдвинули политические требования, блокировали Лондон и грозили в случае невыполнения их условий перейти на сторону Франции. Мятеж был подавлен, примерно тридцать зачинщиков казнены, еще тридцать наказаны, остальных участников мятежа простили.

³ В год мятежей в Спитхед и Норе произошло еще несколько бунтов, из них бунт на «Гермионе» в Вест-Индии был самым кровавым. Матросы убили капитана Хью Пигота, чья исключительная жестокость стала причиной мятежа, всех офицеров, а также почти всех уорент-офицеров, после чего сдали корабль испанцам.

Экипаж въехал во двор Адмиралтейства, и двое одноногих флотских инвалидов, стуча по мостовой деревяшками, подошли открыть дверцу. Сент-Винсент и Хорнблауэр, в мантиях малинового и белого шелка, прошли в кабинет первого лорда.

– Вот их ультиматум, – сказал Сент-Винсент, бросая бумагу на стол.

Первым делом Хорнблауэр отметил корявый почерк – это явно писал не разорившийся торговец и не помощник стряпчего, нечаянно угодивший под вербовку.

На борту корабля его величества «Молния» близ Гавра
7 октября 1813 г.

Мы все здесь верные и честные моряки, но лейтенант Огастин Чодвик морил нас голодом, и порол кошками, и целый месяц дважды за каждую вахту приказывал свистать всех наверх. Вчера он сказал, что сегодня выпорот каждого третьего, а как только они смогут встать, то и всех остальных. Так что мы заперли его в каюте, а на ноке фок-рея закрепили трос, чтобы его вздернуть по справедливости за то, что он убил юнгу Джеймса Джонса, а в рапорте, мы думаем, написал, что тот умер от лихорадки. Пусть лорды Адмиралтейства нам пообещают, что отправят его под суд, назначат нам других офицеров и никого наказывать не станут. Мы хотим сражаться за Англию, потому что мы все верные и честные моряки, но Франция у нас под ветром, и мы все сообща решили, что не позволим повесить нас как бунтовщиков, а если вы попытаетесь захватить корабль, мы повесим лейтенанта Чодвика на рее и уйдем к французам. Мы все под этим подписываемся.

Ваши смиренные и покорные слуги

По всем полям письма шли подписи – семь настоящих и около сотни крестиков с припискам «Генри Уилсон руку приложил», «Уильям Оуэн руку приложил» и так далее, – отражающие обычную пропорцию грамотных и неграмотных в корабельной команде. Хорнблауэр закончил читать письмо и поднял взгляд на адмирала.

– Собаки, – сказал тот. – Треклятые бунтовщики.

«Может, и так, – подумал Хорнблауэр, – но их можно понять». Он легко мог вообразить, что им пришлось вынести: изощренную бессмысленную жестокость вдобавок к обычным тяготам блокадной службы. Безысходные страдания, от которых избавит только смерть или мятеж.

Матросов пообещали выпороть, и они восстали – Хорнблауэр не мог их винить. Он видел много спин, изодранных в клочья девятихвостой кошкой, и знал, что сам бы пошел на все, буквально на все, чтобы такого избежать. От одной мысли, что бы он испытал, если бы его пообещали выпороть через неделю, по коже пошли мурашки. Моральное право – на стороне бунтовщиков; то, что их необходимо наказать, – вопрос не справедливости, а целесообразности. Ради будущего страны мятежников необходимо схватить, вожakov повесить, остальных выпороть – прижечь язву до того, как она распространится. Их надо повесить, даже если они правы, точно так же, как надо убивать французов – быть может, заботливых мужей и отцов. Однако нельзя показывать Сент-Винсенту свои чувства – первый лорд Адмиралтейства яро ненавидит бунтовщиков и не желает вникать в то, что ими двигало.

– Какие приказы вы даете мне, милорд? – спросил Хорнблауэр.

– Я даю вам карт-бланш, – ответил Сент-Винсент. – Полную свободу действий. Приведите «Молнию» назад в целостности и сохранности, с бунтовщиками на борту, а уж как это сделать, решайте сами.

– Вы даете мне все полномочия – например, вести переговоры, милорд?

– Черт побери, я такого не говорил, – ответил Сент-Винсент. – Я имел в виду, что вы получите все, что потребуется. Хотите – дам вам три линейных корабля, пару фрегатов, бомбардирские кечи. Даже ракетный катер, если придумаете, что с ним делать, – Конгрив⁴ был бы счастлив еще разок увидеть свои ракеты в бою.

– Я не думаю, что тут нужны крупные силы. Линейные корабли, на мой взгляд, будут излишни.

– Знаю, черт побери! – на массивном лице Сент-Винсента явственно отразилась внутренняя борьба. – Мерзавцы при первых признаках опасности улизнут в устье Сены, и поминать как звали. Тут нужны мозги. Поэтому-то, Хорнблауэр, я и послал за вами.

Лестный комплимент. Хорнблауэр даже приосанился; на удивление приятно было сознавать, что он говорит почти на равных с величайшим адмиралом в истории Англии. Чувства, кипящие в груди Сент-Винсента, выплеснулись еще одним неожиданным признанием:

– И вас любят. Черт побери, я не знаю такого, кто бы вас не любил. За вами идут, вас слушают. Вы из тех офицеров, о которых матросы говорят между собой. На вас надеются, от вас ждут подвигов – и я тоже жду, сами видите.

– Но, чтобы говорить с матросами, я должен вступить с ними в переговоры, милорд.

– Никаких переговоров с бунтовщиками! – взревел Сент-Винсент и грохнул по столу кулаком, огромным, как баранья ляжка. – Допереговаривались уже в девяносто седьмом!

– Тогда карт-бланш, который вы мне даете, – не более чем обычные приказы флотскому офицеру, милорд, – сказал Хорнблауэр.

Вопрос был очень важен: ему поручают крайне трудное задание, и за провал придется отвечать по всей строгости. Он и вообразить не мог, что станет препираться с первым лордом Адмиралтейства, однако необходимость вынудила. Хорнблауэр с неожиданной ясностью осознал, что борется не за себя, не себе выторговывает условия, а спорит совершенно безлично. Офицер, которого отправляют вернуть «Молнию» и чье будущее зависит от широты полномочий, – не Хорнблауэр в белом и малиновом шелке, сидящий в резном кресле, а неведомый бедолага, чьи интересы надо отстаивать, потому что они совпадают с интересами страны. Тут оба персонажа слились, и это вновь стал он, муж Барбары, человек, обедавший вчера у лорда Ливерпуля⁵ и оттого страдающий сегодня легкой головной болью, офицер, которому поручено это неприятное дело, не сулящее ни славы, ни отличий, но способное превратить его в посмешище для флота и всей страны.

Хорнблауэр вновь пристально глянул на адмирала: Сент-Винсент не дурак, за этим изрезанным лбом работает мощный мозг. Он борется со своими предрассудками, готовится отбросить их ради долга.

– Ладно, Хорнблауэр, – сказал наконец первый лорд. – Даю вам все полномочия. Они будут изложены в приказах. Разумеется, за вами сохранится звание commodore.

– Спасибо, милорд, – ответил Хорнблауэр.

– Вот судовая роль, – продолжал Сент-Винсент. – Ни о ком ничего порочащего не известно. Натаниель Свит, боцманмат – вот его подпись – был первым помощником на ньюкаслском углевозном бриге. Списан за пьянство. Может, вожак – он. Но может быть и любой другой.

– Известие о бунте уже распространилось?

– Нет. И дай-то бог, чтобы не распространилось до открытия трибунала. Холдену в Бембридже хватило ума придержать язык. Он посадил подштурмана и матросов под замок.

⁴ Сэр Уильям Конгрив, 2-й баронет (1772–1828) – английский изобретатель. Созданные им пороховые ракеты с корпусом из листового железа использовались в ряде сражений Наполеоновских войн, в том числе с катеров при бомбардировке Булони в 1806-м и Копенгагена в 1807-м.

⁵ Роберт Банкс Дженкинсон, 2-й граф Ливерпуль (1770–1828) – премьер-министр Великобритании с 1812 по 1827 год.

На следующей неделе «Дротик» уходит в Калькутту – я отправлю их на нем. В ближайшие месяцы никто ничего не узнает.

Мятеж – зараза, передаваемая словами. Очаг инфекции необходимо изолировать, потом уничтожить.

Сент-Винсент придвинул себе лист бумаги и взял перо – роскошное индюшачье, с новомодным золотым кончиком.

– Так какой корабль вы хотите взять?

– Что-нибудь маленькое и маневренное, – ответил Хорнблауэр.

Он и отдаленно не представлял, как захватит мятежный бриг в двух милях от французского берега, однако гордость заставляла держаться уверенно. «Интересно, – подумалось ему, – другие люди такие же: напускают на себя храбрый вид, когда в душе чувствуют себя слабыми и беспомощными?» Он вспомнил рассказ Светония о Нероне, считавшем, что другие столь же развратны, но ловко скрывают свои пороки.

– У нас есть «Порта Цёли»⁶, – сказал Сент-Винсент, поднимая седые брови. – Восемнадцатипушечный бриг – в точности такой же, как «Молния». Сейчас в Спитхед, готов к отплытию. Капитан – Фримен, командовал тендером «Моллюск» в вашей балтийской эскадре. Он же и доставил вас в Англию, если не ошибаюсь?

– Да, милорд.

– Годится вам этот бриг?

– Думаю да, милорд.

– Пелью сейчас командует Средне-ламаншской эскадрой. Я отправлю ему приказ, чтобы он оказал вам любую помощь, какую попросите.

– Спасибо, милорд.

Вот он соглашается на трудное – быть может, невыполнимое – задание, не оставляя никаких путей к отступлению, не пытаясь посеять семена оправданий на случай будущего провала. Крайне легкомысленно с его стороны, однако дурацкая гордость мешала поступить иначе. Он не мог говорить Сент-Винсенту «если» и «но». Да и никому другому, коли на то пошло. Интересно, почему? Потому что комплимент первого лорда Адмиралтейства вскружил ему голову? Или потому что адмирал разрешил ему «требовать» помощи у Пелью, главнокомандующего, человека, у которого он двадцать лет назад служил мичманом? Не по той и не по другой причине, решил Хорнблауэр. Просто из нелепой гордости.

– Ветер норд-вест, устойчивый, – продолжал Сент-Винсент, глядя на картушку со стрелкой, управляемой флюгером на крыше Адмиралтейства. – Впрочем, барометр падает. Чем скорее вы тронетесь в путь, тем лучше. Я пришлю вам приказы на квартиру – воспользуйтесь случаем попрощаться с женой. Где ваши вещи?

– В Смолбридже, милорд. Почти по дороге в Портсмут.

– Отлично. Сейчас полдень. Тронетесь в три. С одним сундуком вы можете поехать почтовой коляской. Дороги еще не развезло, так что до Портсмута доберетесь часов за семь-восемь. В полночь сможете выйти в море. Приказы для Фримена я отправлю курьерской почтой прямо сейчас. Удачи вам, Хорнблауэр.

– Спасибо, милорд.

Хорнблауэр подобрал мантию и, придерживая шпагу, встал. В дверях он чуть не столкнулся с секретарем, которого первый лорд вызвал колокольчиком. Снаружи дул тот самый норд-вест, о котором говорил адмирал, и Хорнблауэру в шелковой рыцарской мантии стало зябко и неудобно. Впрочем, как и обещала Барбара, карета уже ждала у дверей.

⁶ Порта Цёли (Porta Coeli) – Небесные врата (лат.).

Глава вторая

Барбара встретила его, спокойная внешне, как пристало дочери и сестре воинов, однако заговорила она напряженно и позволила себе только одно слово:

– Приказы?

– Да, – Хорнблауэра обуревали смешанные чувства, и он, не в силах полностью с ними совладать, добавил: – Да, дорогая.

– Когда?

– Отплытие сегодня ночью из Спитхеда. Сейчас пишут приказы – как только они придут, я должен буду тронуться.

– Глядя на Сент-Винсента, я так и подумала, поэтому отправила Брауна в Смолбридж упаковать твои вещи. К нашему приезду твой сундук будет уже готов.

Предусмотрительная умница Барбара, не теряющая головы даже в такие минуты! И все же он сумел выговорить лишь: «Спасибо, дорогая». Даже и теперь, на третьем году брака, случалось, что его переполняли чувства, которые он (может быть, именно из-за силы этих чувств) не мог выразить словами.

– Можно мне спросить, куда тебя отправляют, дорогой?

– Даже если ты спросишь, я не вправе буду ответить, – Хорнблауэр выдавил улыбку. – Извини, дорогая.

Барбара никому ничего не скажет и тенью намека не выдаст, куда и зачем отправился ее муж, но все равно он должен молчать. Тогда, если слухи о мятеже просочатся, Барбара останется вне подозрений. Однако истинная причина в другом. Долг требует хранить молчание, и долг не знает исключений. Барбара улыбнулась в ответ так безмятежно, как требовал долг, и аккуратно расправила складки шелковой мантии у него на плечах.

– Как жаль, – сказала она, – что в наше время мужчины редко одеваются красиво. Малиновое и белое замечательно подчеркивает твою привлекательность. Ты очень хорош собой – ты это знаешь?

И тут хрупкий барьер между ними исчез как лопнувший мыльный пузырь. Натура Хорнблауэра требовала любви, знаков привязанности, однако привычка к самодисциплине в жестоком мире не позволяла эту потребность обнаруживать. Он подсознательно боялся нарваться на упрек и потому всегда был настороже: по отношению к себе, по отношению к миру. И Барбара – она знала эти стороны его характера, хоть они и ранили ее гордость. Стоическое английское воспитание приучило ее не доверять чувствам, осуждать любое их проявление. Она досадовала, что ее счастье зависит от него, как он досадовал, что нуждается в ее любви. Эти два гордых человека по той или иной причине сделали эгоцентричную самодостаточность своим идеалом совершенства; отказаться от этого идеала значило переступить через себя, принести жертву, на которую они были, как правило, не готовы.

Но сейчас, когда над ними нависла тень разлуки, гордость и досада исчезли, рухнули укрепления, возведенные каждым вокруг себя за долгие годы. Барбара припала к мужу, ее руки ощущали сквозь шелк камзола его тепло. Он так же страстно стиснул ее в объятиях. Веяния времени избавили женщин от корсетов, так что в лиф платья были вшиты лишь несколько узких пластин китового уса, и Хорнблауэр чувствовал, как слабеет под ласками тело, упругое и мускулистое от долгих пеших прогулок и верховой езды, – тело, которое он научился любить таким, хотя раньше считал, что женщины должны быть мягкими и податливыми.

– Милый! Радость моя! – воскликнула она, а когда их губы соприкоснулись, прошептала самые нежные слова, какие может сказать бездетная женщина: – Мой маленький! Дитя мое!

Самые дорогие для него слова. Когда он сбрасывал защитную броню, он хотел быть не только ее мужем, но и ребенком, подсознательно желал уверенности, что, по-детски нагой и беспомощный, он будет как с любящей матерью, которая его не обидит. Последние преграды рухнули, они отдались друг другу с той страстью, какую так редко себе позволяли. Ничто не могло испортить им эти минуты. Сильными пальцами Хорнблауэр дернул шелковые завязки плаща, расстегнул непривычные застёжки камзола и расслабил нелепую шнуровку о-де-шосс – он почти не замечал, как это делает. Мгновение спустя Барбара целовала его руки – длинные красивые пальцы, память о которых преследовала ее ночами, когда он уходил в море, – и это было проявлением чистейшей страсти без всякого символизма. Они были свободны друг для друга, все запреты сняла любовь. Они были едины, даже когда все закончилось, удовлетворены, но не пресыщены. Они были едины, даже когда он встал с постели и, глянув в зеркало, увидел, что его редющие волосы дико всклокочены.

Мундир висел на двери гардеробной: пока он был у Сент-Винсента, Барбара обо всем позаботилась. Хорнблауэр вымылся, окуная губку в умывальный таз и вода ею по разгоряченному телу, – и у него не было мысли, что он смывает с себя нечистоту. Постучал дворецкий; Хорнблауэр набросил халат поверх рубахи и штанов и вышел. Оказалось, что доставили приказы. Он расписался в получении, сломал печати и внимательно прочел все, убеждаясь, что не осталось неопределенностей, которые надо прояснить до отъезда из Лондона. Старинные обороты: «Сим предписывается и указывается... вам надлежит всемерно» – так же были написаны приказы, по которым Нельсон вступил в бой у Трафальгара, а Блейк – у Тенерифе⁷. Суть приказов была ясна, передача полномочий изложена предельно четко. Если зачитать это корабельной команде – или трибуналу, – каждое слово будет понятно. Придется ли ему читать их вслух? Только если он вступит в переговоры с бунтовщиками. Такое право приказы ему давали, но воспользоваться им значило проявить слабость: другие флотские офицеры брезгливо поморщатся, на массивное лицо Сент-Винсента ляжет тень разочарования. Каким-то образом он должен обманом заманить в ловушку сто британских моряков, дабы наказать за то, что сам бы сделал на их месте. Таков долг. Иногда долг требует убивать французов, иногда – делать что-то другое. И если уж кого-нибудь убивать, Хорнблауэр предпочел бы, чтоб это были французы. И как, ради всего святого, подступить к нынешней задаче?

Из спальни вышла сияющая Барбара. Они встретились глазами. Ни мысль о разлуке, ни раздумья Хорнблауэра о предстоящем тягостном долге не могли разрушить их душевного единения. Они были ближе друг к другу, чем когда-либо прежде, и счастливы вместе. Хорнблауэр встал.

– Я буду готов через десять минут, – сказал он. – Доедешь со мной до Смолбриджа?

– Я надеялась, что ты меня позовешь, – ответила Барбара.

⁷ Блейк Роберт (1599–1657) – английский адмирал. В 1657 г. во время англо-испанской войны разгромил у берегов Санта-Крус-де-Тенерифе испанскую флотилию из 16 судов, истребил береговую оборону и захватил груженные серебром галеоны, при этом не потеряв ни одного своего корабля.

Глава третья

Ночь была темная, хоть выколи глаз, умеренный норд-вест сменился крепким вестом и продолжал усиливаться. Штаны хлопали Хорнблауэра по коленям, бушлат надувался, как парус, а вокруг и над ним выл и стонал такелаж, словно жалуясь на безумцев, подставляющих хрупкое творение человеческих рук буйству стихий. Даже здесь, за островом Уайт, маленький бриг сильно качало на волнах. С наветренной стороны кто-то – наверное, унтер-офицер – честил матроса за какую-то провинность, и грязная брань долетала до Хорнблауэра отдельными залпами, вместе с порывами ветра.

Ему думалось, что такие внезапные перемены ведомы сумасшедшим, только сейчас они происходят не в мозгу умалишенного, а в мире вокруг. Сегодня утром, чуть больше двенадцати часов назад, он сидел в Вестминстерском аббатстве среди рыцарей ордена Бани, облаченных в белый и малиновый шелк; вчера обедал с премьер-министром. Он лежал в объятиях Барбары, жил в роскоши особняка на Бонд-стрит, и любой его каприз исполнялся, стоило позвонить в колокольчик. Довольство и праздность; два десятка слуг свято блюли мерный распорядок сэра Горацио. Барбара все лето заботилась о нем, пока он оправлялся от последних следов русского тифа, из-за которого его отправили в Англию. Хорнблауэр гулял по Смолбриджским садам за руку с маленьким Ричардом, а садовники почтительно уступали им дорогу и снимали шляпу. Теплыми вечерами они с Ричардом лежали на животе у пруда и пытались руками ловить золотых карпов, домой возвращались в сиянии заката, мокрые, грязные – отец и сын, близкие душой, как были они близки с Барбарой нынче утром. Счастливая жизнь, слишком счастливая.

Сегодня в Смолбридже, пока Браун и фореитор несли его сундук в почтовую коляску, он простился с Ричардом – рукопожатием, как мужчина с женщиной.

– Ты опять уходишь воевать, папа? – спросил Ричард.

Простился Хорнблауэр и с Барбарой; это было непросто. Он знал, что может вернуться через неделю, но сказать ей такое значило бы обронить чересчур явный намек на порученное ему дело. Умолчание помогло разорвать близость; Хорнблауэр вновь говорил сдержанно и отстраненно, а повернувшись к Барбаре спиной, испытал странное чувство, будто оставляет ее навсегда. Затем он сел в кибитку, Браун залез следом, и они покатали по осенним холмам в Гилфорд. В сумерках выехали на Портсмутскую дорогу и понеслись по ней в сгущающейся темноте. Переход от роскоши к тяготам был краток. В полночь он поднялся на борт «Порта Цёли», где уже ждал Фримен – все такой же плечистый, худощавый и смуглый, с длинными цыганскими локонами; Хорнблауэр всякий раз невольно дивился, что в ухе у него нет серьги. Меньше десяти минут потребовалось, чтобы рассказать Фримену (под запретом разглашения), куда и зачем отправляется «Порта Цёли»; согласно приказам, полученным четыре часа назад, тот заранее подготовил бриг к выходу к морю, так что к концу этих десяти минут матросы уже выбирали якорь.

– Паршивая будет ночь, сэр, – произнес из темноты Фримен. – Барометр все еще падает.

– Вы правы, мистер Фримен.

Тут Фримен возвысил голос – едва ли не самый громкий голосище, какой Хорнблауэру доводилось слышать за все время службы на флоте, – и начал отдавать приказы:

– Мистер Карлоу! Все наверх паруса убавлять! Убрать грот-брам-стаксели!⁸ Еще риф на марселях! Рулевой, курс зюйд-ост-тень-зюйд!

– Есть зюйд-ост-тень-зюйд, сэр!

⁸ См. краткий морской словарь в конце книги.

Палуба под Хорнблауэром задрожала от топота бегущих ног; больше ничто не выдавало, что во тьме матросы исполняют приказы Фримена: визг блоков уносился ветром или тонул в гудении такелажа, а людей, бегущих по вантам, было не различить. Хорнблауэр замерз и к тому же устал после целого дня, который начался – как ни трудно теперь было поверить – с того, что пришел портной, дабы облачить его в церемониальный рыцарский костюм.

– Я спущусь в каюту, мистер Фримен, – сказал он. – Позовите меня, если потребуется.

Фримен сдвинул люк над сходным трапом («Порта Цёли» была гладкопалубная); среди кромешной тьмы слабый свет, озаряющий ступени, показался ослепительным. Хорнблауэр спустился, сгибаясь почти вдвое под палубными бимсами. Дверь справа открывалась в его каюту: шесть квадратных футов – площадь, четыре фута десять дюймов – высота. Чтобы оглядеть ее в тусклом свете лампы, подвешенной к верхней палубе, ему пришлось сесть на корточки. И это – лучшая каюта на корабле, ее теснота – ничто в сравнении с тем, как живут другие офицеры, двадцать раз ничто в сравнении с тем, что приходится терпеть матросам. В носовой части корабля расстояние между палубами такое же – четыре фута десять дюймов, а матросы спят там на койках, подвешенных в два яруса. Нос человека во втором ярусе задевает о палубу наверху, зад его товарища в первом ярусе ударяется о палубу внизу, а посередине носы упираются в спины. «Порта Цёли» – лучшая боевая машина своего водоизмещения; на ней хватит пушек, чтобы разнести любое судно такого же размера, пороха – чтобы вести бой в течение часов или даже дней, воды и припасов – чтобы провести в море много месяцев без захода в порт, ее прочный корпус выдержит любые шторма. Единственный ее недостаток – ради этого люди на ней живут хуже, чем скотина у мало-мальски заботливого фермера. За господство на море Англия платит жизнью и здоровьем своих сынов.

Удивительно, сколько запахов вмещала одна маленькая каюта. В первый миг входящего обдавало едким чадом горящей лампы, а следом на него обрушивалось и все остальное. Был затхлый душок трюмной воды, которого Хорнблауэр почти не заметил, поскольку вдыхал его почти всю жизнь. Пахло крысами и кислятиной, пахло мокрой одеждой, и ко всему этому примешивались человеческие запахи, главным образом застарелая вонь немытого тела.

Смешение запахов уравнивалось какофонией звуков. В каждой доске отдавалось гудение такелажа, и человек в каюте ощущал себя мышью в скрипке, по которой водят смычком. Топот ног на шканцах, удары бросаемых на палубу концов звучали так – если продолжать аналогию, – будто по скрипке еще и стучат молоточками. Деревянный корпус брига скрипел, словно исполинские кулаки молотят по нему снаружи; при любом движении судна ядра в ящиках немного перекатывались, мерно брякая в конце каждого крена.

Неожиданно палуба ушла у Хорнблауэра из-под ног; видимо, ««Порта Цёли»» как раз вышла в открытое море и западный ветер, дующий здесь в полную силу, накренил ее набок. Хорнблауэра это застигло врасплох – после долгого пребывания на суше он всегда долго восстанавливал привычку к качке. Его бросило вперед – по счастью, на койку. Он рухнул лицом вниз и остался лежать, слушая, как падают на палубу плохо закрепленные предметы, – так всегда бывает в начале плавания при встрече с первой настоящей волной, – затем попытался сесть, но вновь не учел крена и, с размаху врезавшись головой в палубный бимс, повалился обратно на жесткую подушку. Во влажной духоте каюты его пробил пот – признак начинающейся морской болезни. Хорнблауэр чертыхнулся – тихо, но от всего сердца. В душе вскипала ненависть к этой войне, еще более острая от своего бессилия. Ему трудно было вообразить мирную жизнь – Англия не знала мира с его детства, – но он всем сердцем желал прекращения войны. Он устал от нее, а события последних лет многократно усилили эту усталость. Весть о том, что армия Бонапарта наголову разбита в России, породила надежды на скорый мир, однако Франция не выказывает намерения сдаваться, она собирает новые армии и сдерживает натиск русских войск далеко от жизненных центров Европы.

Умники указывали, что Бонапарт снижает возраст призыва, что он обложил страну тяжелейшими налогами и народ вот-вот взбунтуется, что среди генералов тоже зреет недовольство. С этих предсказаний прошло десять месяцев, а они так и не начали сбываться. Когда к врагам Бонапарта присоединились Австрия и Швеция, все были убеждены, что победа близка. Эта надежда всколыхнулась вновь, когда невольные союзники Бонапарта – Дания, Голландия и остальные – расторгли навязанный им союз. Казалось, империя падет со дня на день – и вновь всех постигло разочарование. Думающие люди давно предрекали, что, когда Бонапарт вынужден будет воевать на своей территории и поддерживать армию за счет собственных подданных, а не союзников или врагов, все закончится само собой. Однако Веллингтон во главе стотысячного войска перешел французскую границу три месяца назад, и он по-прежнему в семистах милях от Парижа, а империя сопротивляется все с тем же упорством. Силы Бонапарта неисчерпаемы.

Хорнблауэру в его нынешнем отчаянии казалось, что война будет продолжаться, пока вся Европа не вымрет, пока Англия полностью не истощит себя в борьбе, и что сам он волею одного человека обречен до старости влачить дни и ночи в нынешнем ужасе, вдали от жены и сына, мучимый морской болезнью, холодом и беспросветной тоской. Едва ли не первый раз в жизни он возмечтал о чуде или о невероятном стечении обстоятельств: что Бонапарта убьет шальной пулей, или что он совершит какую-нибудь грандиозную ошибку, которая окажется роковой, или во Франции случится неслыханный недород, или маршалы, спасая себя, составят против императора заговор и сумеют привлечь на свою сторону всю армию. И он знал, что ничего этого не произойдет, что война будет продолжаться, а он до седых волос останется измученным узником в цепях дисциплины.

Он открыл плотно сжатые веки и увидел над собой Брауна.

– Я стучал, сэр, но вы не услышали.

– В чем дело?

– Принести вам что-нибудь, сэр? На камбузе сейчас будут гасить огонь. Чашку кофе, сэр? Чаю? Горячего грога?

Добрая порция хмельного поможет ему уснуть, прогонит мрачные мысли, даст короткую передышку от навалившейся черной тоски. Искушение было так велико, что Хорнблауэр искренне ужаснулся. Он, с юности не искавший забытья в бутылке, ненавидевший опьянение в себе даже больше, чем в других, всерьез о таком помыслил... Этого порока за ним прежде не водилось. А то, что он чуть не поддался слабости в секретной миссии, для которой нужны ясный ум и готовность быстро принимать решения, удешевляет его вину.

– Нет, – сказал Хорнблауэр. – Я вернусь на палубу.

Он спустил ноги с койки. «Порта Цёли» бешено качалась с боку на бок и с носа на корму; ветер, дующий с раковины, накренил ее так сильно, что Хорнблауэр, встав, отлетел бы к противоположной переборке, если бы не Браун. Хорнблауэр всегда завидовал его физической силе. Браун никогда не теряет привычку к качке, Брауну неведома морская болезнь. Вот и сейчас он стоял на расставленных ногах, неколебимый, как скала, тогда как Хорнблауэра шатало из стороны в сторону – он едва не врезался головой в качающуюся лампу, но Браун вовремя удержал его за плечо.

– Паршивая ночка, сэр, и будет еще много хуже, прежде чем ветер уляжется.

Вот так же утешали Иова его друзья. Хорнблауэр метнул в Брауна раздраженный взгляд и разозлился еще хуже, увидев, что Браун принял это с философским спокойствием. Невыносимо, когда на тебя смотрят как на расхोдевшегося ребенка.

– Вам стоит надеть шарф, который подарила вам ее милость, сэр, – невозмутимо продолжал Браун. – К утру будет собачий холод.

Одним движением он выдвинул ящик и достал шарф. Квадрат бесценного шелка, легкий и теплый, – быть может, самая дорогая вещь, какой Хорнблауэр когда-либо владел, вклю-

чая наградную шпагу за сто гиней. Барбара вышила его собственными руками, несмотря на свою ненависть к рукоделию, – трогательнейший знак ее любви. Хорнблауэр укутал горло под воротником бушлата, радуясь теплу, мягкости и воспоминаниям о Барбаре, встал покрепче, принаравливаясь к качке, и решительно шагнул к двери. Пять ступеней трапа – и он на шканцах.

Ночь была беспросветно темна; Хорнблауэр, выйдя из тусклого света каюты, почувствовал себя ослепшим. Вокруг яростно ревел ветер – Хорнблауэру пришлось нагнуться навстречу его порывам. «Порта Цёли» шла, сильно накренясь, хотя ветер дул не с траверза, а с раковины. Она качалась с боку на бок и с носа на корму. Дождь и брызги били в лицо, пока Хорнблауэр на ощупь добирался до наветренного фальшборта. Глаза постепенно привыкли к темноте, но все равно он не сразу различил узкий прямоугольник зарифленного марселя. Суденышко дико плясало на высоких волнах, и даже в реве ветра отчетливо слышался скрип рулевых тросов; это рулевой налегал на штурвал, не давая бригау скатиться в подошву волны.

Хорнблауэр чувствовал рядом присутствие Фримена, но не заговаривал с ним. Сказать было нечего, да и в любом случае трудно перекрикивать ветер. Он для равновесия уперся локтем в коечную сетку и стал смотреть во тьму. Сразу за бортом на миг возникал белый гребень волны, и в следующее мгновение «Порта Цёли» взмывала на эту волну. На баке матросы откачивали воду; до Хорнблауэра временами долетал глухой перестук помп. Ничего удивительного: при таких волнах швы наверняка размыкаются и смыкаются, словно рты. Где-то в этой тьме терпят крушение корабли, выброшенные ветром на прибрежные скалы, моряки гибнут в прибое под безжалостный рев ветра. Якоря не держат, тросы рвутся. И тот же ветер свистит сейчас над бивуаками воюющей Европы. Сотни тысяч голодных солдат, вчерашних крестьян, сгрудились у костров и клянут ветер и дождь в ожидании завтрашнего сражения. Странно было думать, что от этих безвестных людей в значительной мере зависит его избавление. Тут морская болезнь накатила в полную силу, и Хорнблауэр согнулся над шпигатом в приступе рвоты.

Фримен что-то говорил, но Хорнблауэр не разбирал ни слова. Фримен заорал во все горло:

– Сдается, надо будет лечь в дрейф, сэр!

Первый раз он заговорил негромко, словно извиняясь. Положение у него щекотливое. Согласно закону и морскому обычаю, Фримен – капитан брига, а Хорнблауэр, хоть и много выше по званию, – всего лишь пассажир. Только адмирал может без долгой и сложной процедуры отстранить офицера от командования вверенным ему кораблем, капитан, пусть даже в ранге коммодора, не может. По действующему уложению Хорнблауэр может лишь направлять действия брига; за то, как будут исполняться его приказы, полностью отвечает Фримен. Он один вправе решать, ложиться ли в дрейф. И все же лейтенант, командующий восемнадцатипушечным бригом, не станет действовать вразрез с желаниями коммодора, особенно если этот коммодор – Хорнблауэр, известный своей нелюбовью к промедлениям; по крайней мере лейтенант, озабоченный своим будущим. Хорнблауэр, невзирая на тошноту, мысленно улыбнулся.

– Можете лечь в дрейф, мистер Фримен, если считаете нужным, – крикнул он, и в тот же миг Фримен поднес к губам рупор.

– Лечь в дрейф! Убрать фор-марсель! Поставить грот-стаксель! Руль на ветер!

– Есть руль на ветер, сэр!

Убрав фор-марсель, он уменьшил скорость ««Порта Цёли»», а поставив грот-стаксель, выровнял ее, а затем дал ей привести себя. До сих пор она противилась ветру, теперь уступила ему, словно женщина – настойчивому возлюбленному. Судно встало на ровный киль и развернулось правой скулой к волнам: теперь оно качалось в одном с ними ритме, а не взмывало

и не падало вниз. За грот-вантами правого борта ветер ощущался не так сильно, и казалось даже, что он немного ослаб.

Глава четвертая

Так, разумеется, было гораздо спокойнее: исчезла опасность, что штормовой ветер сломаёт мачту или порвет парус, или что швы разойдутся сильнее. Однако теперь бриг не приближался к «Молнии», напротив, его сносило под ветер. Под ветер! Хорнблауэр, как всякий моряк, постоянно помнил про необходимость держаться на ветре от цели. Он оплакивал каждый ярд, на который снесло «Порта Цёли», горше, чем скряга оплакивает свое золото. Поздней осенью в Ла-Манше при преобладающих западных ветрах за дрейф к востоку придется платить с бешеными процентами. Каждый час предстоит наверстывать двумя-тремя часами лавировки, если только не задует ост, чего в это время года ждать не приходится.

А каждый час на счету: неизвестно, что предпримут бунтовщики. В любой миг они могут сдать судно французам. Или главари бросят «Молнию» и сбегут во Францию, и тогда их уже не схватить и не повесить. В любой миг флот может узнать, что команда британского корабля успешно сбросила цепи дисциплины, что простые матросы ведут переговоры с Адмиралтейством, словно одна держава с другой. Хорнблауэр легко мог вообразить последствия. Чем скорее бунтовщики будут примерно наказаны, тем лучше, а он по-прежнему не знал, как этого достичь. «Молнии» нынешний шторм не страшен, она укрыта от западных ветров побережьем Нормандии. К северу от бунтовщиков – Гавр, к югу – устье реки Кан, а малая осадка брига обеспечивает полную свободу маневра.

«Молнию» защищают батареи Котененского побережья, ей готовы прийти на выручку шасс-маре и канонерки Сены. И в Шербуре, и Гавре есть фрегаты и линейные корабли – они недоукомплектованы командой и не готовы к выходу в море, но в случае опасности для «Молнии» смогут отойти на несколько миль от берега и взять ее под защиту. А при появлении больших английских кораблей мятежники тут же устрелятся к Франции; возможно, они примут бой с судном своего класса, таким как «Порта Цёли», но Хорнблауэр не хотел бы схватиться на равных с британскими моряками, бьющимися за свою жизнь. Победа достанется недешево – с какой радостью бонапартистская пресса будет смаковать бой между двумя британскими судами! Неизбежны большие потери – как флот воспримет известие, что британские моряки убивают друг друга? Что скажут в парламенте? И велика вероятность, что оба брига, покалеченные в бою, станут легкой добычей для канонерок и шасс-маре. Хуже того, есть шанс потерпеть поражение. Одинаковые суда, одинаковая команда – это игра в орлянку. Нет, атаковать «Молнию» – последнее средство. Но что же, черт побери, делать?

Хорнблауэр усилием воли заставил себя выйти из тупика безнадежных мыслей и вернулся к яви. Вокруг по-прежнему ревел ветер, но тьма немного поблекла. Узкий прямоугольник зарифленного грот-марселя отчетливо выделялся на фоне неба. В бледном сером свете видны были волны, на которых беспокойно качался бриг. Наступало утро. Они дрейфуют посреди Ла-Манша, вдали от берегов. И все еще меньше суток прошло с тех пор, как он восседал среди рыцарей ордена Бани в Вестминстерском аббатстве, меньше суток с тех пор, как Барбара... эти мысли он тоже постарался быстрее отогнать. Снова пошел дождь, холодные капли били в лицо. Хорнблауэр промерз до костей; шелковый шарф насквозь вымок от стекавшей за шиворот воды. Рядом стоял Фримен; однодневная щетина на его щеках еще увеличивала сходство с цыганом.

– Барометр по-прежнему стоит низко, сэр, – сказал он. – Никаких признаков, что ветер скоро уляжется.

– Я их тоже не вижу, – ответил Хорнблауэр.

Скудная почва для разговора, даже если бы он хотел вести разговоры с подчиненным. Серое небо и серые волны, вой ветра, зябкая сырость, безнадежность, мрачившая его

мысли, – все помогало Хорнблауэру сохранять ту немногословность, которую он так долго в себе воспитывал.

– Позовите меня, если погода начнет меняться, мистер Фримен, – сказал он и повернулся к люку. Требовалось огромное усилие, чтобы переставлять ноги; еще труднее было согнуть спину, чтобы взяться за комингс люка. Пригибаясь под опасными палубными бимсами на входе в каюту, Хорнблауэр чувствовал, как болит каждый сустав. Он совершенно отупел от холода, усталости и морской болезни и сознавал только одно: нельзя просто броситься на койку в одежде, как ему хотелось, – не из страха заработать ревматизм, а потому, что неизвестно когда еще удастся просушить постель. И тут сбоку материализовался Браун; видимо, он ждал в кают-компанейской кладовой.

– Позвольте мне снять с вас бушлат, сэр, – сказал Браун. – Вы замерзли, сэр. Давайте я развяжу шарф. И расстегну пуговицы. Сядьте, я сниму с вас башмаки, сэр.

Браун снял с него мокрую одежду, как с маленького, потом, словно по волшебству, извлек откуда-то полотенце и растер Хорнблауэру ребра. От прикосновения грубой ткани застывшая кровь вновь побежала по жилам. Браун надел ему через голову фланелевую сорочку и, встав на колени, растер ноги. В руках у Брауна спорится любое дело: он одинаково ловко вяжет узлы, накладывает сплесни и правит лошадьми, он мастерила для Ричарда игрушечные кораблики и притом был мальчику разом учителем и нянькой, он умеет бросать лот, брать рифы и прислуживать за столом, держать штурвал, разрезать жареного гуся и раздеть усталого человека. Что не менее важно, он знает, когда умолкнуть, накрыть хозяина одеялом и выйти без раздражающих пожеланий доброго сна. Перед тем как провалиться в забытие, Хорнблауэр успел подумать, что Браун – куда более полезный член общества, нежели его коммодор. Будь он грамотный, попади он на корабль мичманом, а не завербованным матросом, был бы сейчас капитаном. Что примечательно, эти мысли не отравляла и тень зависти: годы научили Хорнблауэра восхищаться без злости. Какой-то женщине повезет: Браун будет отличным мужем – до тех пор, пока рядом нет других женщин. Хорнблауэр улыбнулся и продолжал улыбаться во сне, несмотря на морскую болезнь и волны, швырявшие маленький бриг из стороны в сторону.

Он проснулся окрепший и голодный, немного полежал, с удовольствием прислушиваясь к корабельным шумам, затем высунул голову из-под одеяла и крикнул, чтобы позвали Брауна. Часовой у двери повторил приказ, и Браун появился почти мгновенно.

– Который час?

– Две склянки, сэр.

– Какой вахты?

– Полуденной, сэр.

Можно было не спрашивать: разумеется, он проспал четыре часа. Девять лет капитаном не вытравили привычку, приобретенную за то время, что он нес вахты. «Порта Цёли» резко задрала нос, взбираясь на особо крутую волну, потом ухнула вниз.

– Ветер все не слабеет?

– Все еще штормовой, сэр. Вест-зюйд-вест. Мы в дрейфе под грот-стенг-стакселем и грот-марселем в три рифа. Земли не видать, других кораблей тоже, сэр.

Это сторона войны, к которой давно следовало привыкнуть: вечное промедление, когда опасность сразу за горизонтом. После четырех часов сна Хорнблауэр чувствовал себя совершенно ожившим. Тоска и желание, чтобы война закончилась, отступили – они не исчезли совсем, но их вытеснил вернувшийся фатализм ветерана. Он с удовольствием потянулся на качающейся койке. Желудок по-прежнему глухо возмущался, но не бунтовал в открытую, хотя и мог взбунтоваться, если встать и начать ходить. Однако в этом не было никакой надобности. Решительно незачем вставать и одеваться: ему не надо нести вахту, по закону он всего лишь пассажир и, пока ветер не уляжется или не возникнет какая-нибудь непредвиденная

опасность, может ничем себя не обременять. Можно выспаться за все прошедшие дни, а заодно и впрок – наверняка впереди еще много бессонных ночей.

– Очень хорошо, Браун, – ему удалось произнести это с той безучастностью, к какой он всегда стремился. – Позови меня, если ветер уляжется.

– Завтрак, сэр? – Браун явно не ждал такого от своего нетерпеливого коммодора; изумление в его голосе прозвучало для Хорнблауэра райской музыкой. – Немного холодной говядины и вина, сэр?

– Нет, – ответил Хорнблауэр. Его желудок в любом случае не удержал бы еды.

– Ничего, сэр?

Хорнблауэр не удостоил его ответом. Он показал себя непредсказуемым, а это большая победа. Браун слишком много на себя берет, слишком уверен, что видит коммодора насквозь, – маленький урок поставит его на место. Нельзя быть героем для своего слуги; что ж, он будет по крайней мере эксцентричным хозяином. Пока озадаченный Браун не удалился, Хорнблауэр равнодушно смотрел в палубные бимсы прямо над головой, затем, перебарывая тошноту, вновь нырнул под одеяло. Просто лежать, задремывая по временам, было почти блаженством. Там, откуда дует ветер, его ждет целый бриг мятежников. Пусть сейчас он удаляется от них со скоростью миля-две в час, он все равно приближается к ним так быстро, как только может. А с Барбарой было так хорошо...

Хорнблауэр спал неглубоко и к концу вахты проснулся от свиста боцманских дудок – звука, к которому должен был привыкнуть давно. Он кликнул Брауна, встал и торопливо оделся, чтобы выйти на палубу, пока еще светло. Наверху ему предстала ожидаемая тоскливая картина – затянутое тучами серое небо и серое море с белыми барашками крутых ламаншских валов. По-прежнему дул штормовой ветер, вахтенные офицеры, низко надвинув зюйдвестки, укрывались за наветренным фальшбортом бака.

Глядя вокруг, Хорнблауэр чувствовал, что на него смотрят. Команда «Порта Цёли» впервые могла поглядеть на коммодора при свете дня. Подштурман ткнул локтем вахтенного мичмана, и тот бегом припустил по трапу – видимо, сказать Фримену, что коммодор на палубе. Сгрудившиеся на баке матросы – темная масса брезентовых курток – тоже толкали друг друга в бок, белые пятна лиц поворачивались к шканцам. Его обсуждают: для них он человек, который потопил «Нативидад» в Тихом океане, дал бой французскому флоту в заливе Росас, оборонял Ригу от армии Бонапарта в прошлом году.

Сегодняшний Хорнблауэр мог почти спокойно думать о том, что его обсуждают. На его счету есть безусловные достижения, победы, за которые он справедливо увенчан лаврами. Угрюмость, раздражительность, морская болезнь – простительные слабости великого человека, не повод для ехидной насмешки. Для этих людей он окружен ореолом славы. Они не знают о его сомнениях и колебаниях, даже о настоящих ошибках: не знают, что, отзови он бомбовые кечи на пять минут раньше – как следовало поступить, – юный Маунд был бы сейчас жив и успешно продвигался по службе. В парламенте действия Хорнблауэра называли «лучшим за последние годы образцом использования флота против сухопутных войск»; Хорнблауэр знал свои упущения, но, очевидно, другие предпочли их не заметить. Он может смело глядеть в глаза собратьям-офицерам и не только им, но и всем, кому равен по положению. Он женат на красавице-аристократке, которой можно гордиться, а не думать мрачно, что над ней смеются за глаза, как было с бедной Марией, спящей теперь под одиноким могильным камнем в Саутси.

Фримен поднялся по трапу, на ходу застегивая дождевик. Он коснулся шляпы, приветствуя коммодора, Хорнблауэр ответил тем же.

– Барометр растет, сэр! – крикнул Фримен, складывая руки рупором. – Шторм скоро уляжется.

Хорнблауэр кивнул, хотя в этот самый миг налетевший шквал хлестнул его дождевиком по ногам – сама порывистость ветра говорила, что шторм скоро пойдет на убыль. Серое небо быстро темнело: возможно, после заката ветер начнет слабеть.

– Обойдете вместе со мной корабль? – крикнул Хорнблауэр; на сей раз был черед Фримена ответить кивком.

Они прошли на бак, с трудом удерживая равновесие на мокрой кренящейся палубе. Хорнблауэр пристально смотрел по сторонам. Две длинные пушки на баке – шестифунтовки, остальные – двадцатифунтовые карронады. Орудийные брюки и тали в полной исправности. Наверху такелаж, стоячий и бегучий, все надежно закреплено. Впрочем, лучшее доказательство образцового порядка на корабле – что за сутки шторма ничто не оторвалось. Фримен – хороший капитан, Хорнблауэр знал это и прежде. Однако для нынешней задачи важны не пушки и даже не способность брига противостоять непогоде. Главное – двуногие орудия; осматривая корабль, Хорнблауэр исподволь разглядывал матросов, как они выглядят, как держатся. Не угрюмые, слава богу. По виду спокойные и бодрые, от работы не отлынивают. Хорнблауэр спустился по баковому трапу в невыносимую вонь твиндека. Некоторые матросы спали, как умеет спать их брат английский моряк, – громко храпели прямо на голых досках, несмотря на адский грохот наверху. Другие, сидя кружком, резались в карты. При появлении Хорнблауэра они принялись дергать друг друга за рукав, показывать пальцами и перемигиваться. Хорнблауэр, трезво оценивая общую атмосферу, чувствовал в ней скорее энтузиазм, чем обреченность или недовольство.

Удивительно, но факт: эти люди рады служить под его началом – под началом человека, каким они его воображают, не того Хорнблауэра из плоти и крови, что был сейчас в его штанах и бушлате. Они ждут славы, успеха, подвигов. Бедные глупцы! Они не задумываются, что под его командованием гибнут люди. От голода (Хорнблауэр не помнил, когда последний раз ел) и морской болезни в голове наступила странная ясность, и он отчетливо осознавал сразу несколько противоречивых чувств: радость от того, что за ним так охотно идут, и жалость к безмозглым жертвам, трепет предвкушения и неуверенность, что ему и на сей раз удастся вырвать успех из когтей случая, удовольствие от того, что он снова в море и командует кораблем, и горькое сожаление о только что оставленной жизни, о любви Барбары и доверчивом обожании Ричарда. Хорнблауэр мысленно обозвал себя сентиментальным глупцом и тут заметил, что один матрос отдает ему честь, кивая и ухмыляясь во весь рот.

– Я тебя знаю, – сказал Хорнблауэр, лихорадочно роясь в памяти. – Дай-ка вспомнить. Должно быть, это было на старине «Неустанном».

– Верно, сэр. Мы там вместе служили, сэр. А вы тогда были совсем мальчонка, сэр, уж не сердчайте за такие слова, сэр. Марсовый мичман, вот кто вы тогда были, сэр.

Матрос вытер пятерню об одежду и с жаром пожал руку, которую Хорнблауэр ему протянул.

– Тебя зовут Гардинг, – судорожно вспомнил Хорнблауэр. – Ты учил меня накладывать длинные сплесни близ Уэссана.

– Точно, сэр. Верно говорите, сэр. Это было в девяносто втором? Или девяносто третьем?

– В девяносто третьем. Рад, что мы снова на одном корабле, Гардинг.

– Премного благодарен, сэр. Приемного благодарен, сэр.

Почему весь корабль радостно загудел, когда он узнал матроса, с которым вместе служил двадцать лет назад? Что для них это меняет? И все же Хорнблауэр видел и чувствовал, что для команды это необычайно важно. Трудно сказать, чего было больше в его душе: жалости или симпатии к этим бедным глупцам. Возможно, сейчас Бонапарт точно так же завоевывает солдатские сердца, пожимая руку старому однополчанину где-нибудь на бивуаке в Германии.

Они дошли до юта, и Хорнблауэр повернулся к Фримену:

– Сейчас я пообедаю, мистер Фримен. Потом, быть может, нам удастся поставить какие-нибудь паруса. Я в любом случае выйду на палубу посмотреть.

– Есть, сэр.

Обед. Хорнблауэр ел, сидя на сундучке у переборки. Холодная солонина, очень неплохой кусок – он поймал себя на том, что за одиннадцать месяцев стосковался по ее вкусу. «Превосходные морские галеты Рексама» из запаянной жестянки, которую отыскала и положила к его вещам Барбара, – лучший корабельный хлеб на его памяти, раз в двадцать дороже тех источенных жучками сухарей, какими ему частенько приходилось довольствоваться. Кусочек красного сыра, пикантного и выдержанного, как раз под второй стакан кларета. Невероятно, что он рад вернуться к прежней жизни, но именно это Хорнблауэр сейчас испытывал. Безусловно, неоспоримо.

Он утер рот салфеткой, влез в дождевик и поднялся на палубу.

– Мне сдается, мистер Фримен, что ветер немного утих.

– Мне тоже, сэр.

«Порта Цёли» покачивалась на темных волнах почти плавно – они определенно стали менее крутыми. По лицу стекали не брызги, а капли дождя, и по дождю тоже чувствовалось, что шторм выдыхается.

– Под зарифленными кливером и косым гротом мы сможем идти в бейдевинд, сэр, – задумчиво проговорил Фримен.

– Очень хорошо, мистер Фримен. Приступайте.

Управлять бригам – особое искусство, а уж на встречных курсах – тем более. Под кливером, стакселями и косым гротом им можно править как судном с косым парусным вооружением; Хорнблауэр знал все это теоретически, но знал и другое: на практике он бы справился с такой задачей довольно плохо, тем более в темноте и при сильном ветре. У Фримена опыта куда больше, пусть действует на свое усмотрение. Фримен выкрикнул приказы; под громкий скрип блоков зарифленный косой грот поднялся на мачту, матросы на рее тем временем убрали грот-марсель. Под действием кливера бриг начал уваливаться.

– Пошел грот-марса-шкоты! – гаркнул Фримен. – Так держать!

Руль встретил напор воды, не давая бригу увалиться дальше, косой грот повлек его вперед. В один миг «Порта Цёли» из вялой и безропотной преобразилась в яростную и неукротимую. Она больше не покорствовала ветру и волнам, а встречала их грудью; тигрица, перебежавшая от укрытия к укрытию, в исступлении бросилась на загонщиков. Ветер накренил ее, над бушпритом встала пелена брызг. Плавные подъемы и спуски сменились бешеными скачками; бриг содрогался всем корпусом, преодолевая сопротивление волн. Человек, слабый смертный, бросил вызов первобытным силам этого мира, правившим землей и водой от их сотворения. Природа обрушила на Ла-Манш крепкий западный ветер; «Порта Цёли» заставила его нести себя к западу. Да, она продвигалась медленно и мучительно, но – продвигалась! Хорнблауэр, стоя подле штурвала, внезапно ощутил, как в душе закипает ликование. Он – Прометей, похитивший огонь у богов; он взбунтовался против законов природы и может гордиться званием простого смертного.

Глава пятая

Фримен склонился над куском сала, вложенным в нижнее углубление лота; матрос светил ему фонарем. Подштурман и вахтенный мичман завершали группу: виньетку из черных фигур вокруг светлого пятна. Фримен не торопился вынести вердикт. Он посмотрел на грунт, поднятый со дна моря, сперва под одним углом, затем под другим. Понюхал образец, затем тронул его и лизнул палец.

– Песок и черные ракушки, – задумчиво пробормотал он.

Хорнблауэр держался в сторонке; в этом Фримен разбирается лучше него, хотя сказать такое прилюдно было бы почти кощунством, ведь он – капитан в ранге коммодора, а Фримен – простой лейтенант.

– Возможно, мы у мыса Антифер, – сказал наконец Фримен, глядя в темноту, туда, где стоял Хорнблауэр.

– Смените галс, мистер Фримен. И продолжайте бросать лот.

Ползти в темноте вдоль коварного побережья Нормандии – нервное занятие, хотя за последние сутки штормовой ветер улегся до крепкого бриза. Однако Фримен хорошо знает свое дело: десять лет управления маленькими судами на мелководье у европейских берегов дали ему опыт и чутье, каких не приобретешь иначе. Хорнблауэру приходилось целиком полагаться на Фримена; сам он с компасом, картой и лотом худо-бедно управился бы, но считать себя ламаншским лоцманом лучше Фримена было бы просто глупо. «Возможно», – сказал Фримен, однако Хорнблауэр видел: он вполне уверен в своих словах. «Порта Цёли» у мыса Антифер, близковато к подветренному берегу, к рассвету хорошо бы отойти чуть дальше. Хорнблауэр по-прежнему не знал, как быть с «Молнией». Чисто геометрически не существовало способа отрезать бунтовщиков от укрытия: с одной стороны от них – Гавр, с другой – Кан, не считая множества бухточек, каждая из которых надежно защищена батареями. При малейшей угрозе со стороны «Порта Цёли» мятежники вздернут Чодвика на рее – это будет худший и самый опасный прецедент со времени убийства Пигота. Однако с бунтовщиками надо для начала хотя бы поговорить – и лучше, если при этом «Порта Цёли» будет в наиболее выгодной позиции. Вдруг случится чудо? Нужно сделать все, чтобы оказаться на пути блуждающих чудес. Как там сказала Барбара? «Удачлив тот, кто знает, что предоставить случаю». Барбара чересчур высоко его ценит, даже после нескольких лет брака, но в этих ее словах определенно что-то есть.

«Порта Цёли» послушно повернула оверштаг и устремила на северо-запад в крутой бейдевинд при юго-западном ветре.

– Скоро начнется отлив, сэр Горацио, – заметил Фримен.

– Спасибо.

Еще одно условие в завтрашней задачке, которая до сих пор еще не вполне ясна. «Война – полная противоположность сферической тригонометрии», – подумал про себя Хорнблауэр и тут же улыбнулся этой неуместной мысли. Часто к военной задаче приступаешь, не зная точно, к чему хочешь прийти и даже какими средствами. Здесь все приблизительно, на глазок, угадаешь – не угадаешь. Даже если забыть о других мрачных ее сторонах, война – плохое занятие для человека, привыкшего полагаться на логику. А может, он просто чересчур высокого о себе мнения, и другой офицер – Кокрейн, скажем, или Лидьярд – сейчас уже точно знал бы, как поступит с бунтовщиками, и действовал по безотказному плану.

Резко пробили четыре склянки; бриг шел этим галсом уже полчаса.

– Будьте любезны сменить галс, мистер Фримен. Я не хочу слишком далеко уходить от берега.

– Есть, сэр.

Если бы не война, ни один вменяемый капитан не стал бы приближаться в темноте к мелководью, особенно когда он не вполне уверен в своей позиции. Их оценка выстроена на череде догадок: как далеко бриг снесло ветром за время дрейфа, как действовали на него приливы и отливы, как замеры глубины соотносятся с отметками на картах.

– Как, по-вашему, сэр, что сделают бунтовщики, когда нас увидят? – спросил Фримен.

Хорнблауэр сам дал повод для такой бесцеремонности, когда объяснил, зачем хочет сменить галс. Вопрос раздосадовал его главным образом потому, что он сам не знал ответа.

– Бесполезно задавать вопросы, на которые время ответит само, мистер Фримен, – резко произнес он.

– Однако так приятно поразмышлять, сэр Горацио, – заметил Фримен настолько невозмутимо, что Хорнблауэр в темноте вытаращил на него глаза. Буш, одерни его Хорнблауэр в таком тоне, обиженно замкнулся бы в скорлупе.

– Можете предаваться размышлениям, мистер Фримен, коли вам так угодно. У меня такого намерения нет.

– Спасибо, сэр Горацио.

Уж не скользнула ли во внешне почтительном ответе легкая нотка иронии? Неужто Фримен тайком посмеивается над старшим по званию? Если так, он играет с огнем. Малейший намек на недовольство в рапорте, который Хорнблауэр представит Адмиралтейству, – и Фримен останется на суше до конца дней. Однако Хорнблауэр прекрасно знал, что не делает такой подлости – не загубит будущность толкового офицера из-за того, что тот недостаточно раболепен.

– Быстро мелеет, сэр, – внезапно произнес Фримен (и он, и Хорнблауэр подсознательно прислушивались к выкрикам лотового). – Я хотел бы сменить галс.

– Да, разумеется, мистер Фримен, – сухо ответил Хорнблауэр.

Они огибали мыс Эв, северную оконечность эстуария Сены, сразу за которой лежит Гавр. Был крошечный шанс, что на рассвете они окажутся под ветром от «Молнии», между нею и Францией, что «Порта Цёли» отрежет мятежникам путь к бегству. А ночь близилась к концу; небо уже заметно посветлело.

– У вас надежный впередсмотрящий на мачте, мистер Фримен?

– Да, сэр Горацио.

Надо сказать матросам, что им предстоит, пусть даже это означает, что известие о мятеже станет всеобщим достоянием. В обычных обстоятельствах разумный офицер не произнесет при своих людях слово «бунт», как укротитель не станет напоминать львам, что они сильнее человека. И обычно нет надобности вводить команду в курс дела: за двадцать лет войны британские моряки навиделись всякого, они будут стрелять во французов, американцев или голландцев, не особо задумываясь о том, на чьей стороне правда. Однако, если им без предупреждения прикажут обстрелять британское судно, в точности такой же бриг, возможно, все еще под вымпелом Белой эскадры, матросы растеряются и замешкаются.

Уже почти рассвело.

– Будьте добры, мистер Фримен, прикажите свистать всех наверх. Я обращусь к команде.

Засвистели дудки; сонные подвахтенные высыпали из люков. Бедолаги недобрали час сна из-за того, что солнце встает не точно по расписанию вахт. Хорнблауэр огляделся, ища место повыше: на гладкопалубной «Порта Цёли» не было высоких шканцев, чтобы обратиться с них к собравшимся матросам. Придерживаясь рукой за бакштаг, он вспрыгнул на наветренный фальшборт.

– Матросы! Хотите ли вы знать, зачем вас сюда отправили?

Если они и хотели, это никак не отразилось на сонных лицах незавтракавших людей.

– Хотите ли вы знать, зачем с вами отправили *меня*?

О, да! Наверняка они ломали голову и строили догадки, чего ради commodore – и не просто commodore, а легендарного Хорнблауэра – отправили в море на восемнадцатипушечном бриге. Лестно было видеть, как они оживились, как вскинули головы, хотя Хорнблауэр и проклинал судьбу, вынуждающую его прибегать к риторическим уловкам, а уж тем более – апеллировать к своей славе.

– Совершенно ужасное преступление, – продолжал он. – Британские моряки покрыли себя позором. Они взбунтовались перед лицом неприятеля.

Не было никаких сомнений, что Хорнблауэр завладел вниманием слушателей. Он произнес слово «бунт» перед рабами боцманских дудок и кошек. Бунт – лекарство от всех их бед, от тягот матросского быта, опасностей и жестокого обращения, плохой кормежки и запрета на все жизненные удовольствия. Одна команда взбунтовалась – отчего бы не взбунтоваться им? Он должен будет рассказать о «Молнии», напомнить, как близко они от берегов Франции, где Бонапарт радостно осыплет благами любого британского моряка, который добровольно сдаст британское судно. Хорнблауэр продолжил, стараясь вложить в голос побольше презрения:

– Команда «Молнии», точно такого же брига, как наш, совершила это гнусное предательство. Теперь бунтовщики укрылись здесь, в заливе Сены. Против них ополчился весь свет. Французы мятежниками брезгуют, а наша задача – вытащить этих крыс из норы. Они предали Англию, забыли свой долг перед королем и Отечеством. Полагаю, в большинстве своем это честные, однако недалекие люди, сбитые с толку несколькими подлыми мерзавцами. Эти мерзавцы должны ответить за свое злодеяние, и наше дело – не дать им уйти от кары. Если они настолько обезумели, что решат драться, мы захватим корабль с боем. Если они сдадутся добровольно, то заслужат смягчение приговора. Я хотел бы избежать кровопролития – вы не хуже меня знаете, что ядро убивает человека, не спрашивая, негодяй он или просто глупец. Однако, если они выберут бой, мы дадим им умыться кровью.

Хорнблауэр закончил речь и взглядом показал Фримену, что можно отпустить матросов. Мало радости ораторствовать перед голодными людьми на серой заре, но Хорнблауэр, глядя на матросов, видел, что за них можно не опасаться. Они, конечно, возбужденно переговаривались, но любая команда будет судачить о мятеже, как деревня будет судачить об убийстве. Все говорило, что это именно праздные пересуды, что матросы не делают опасных выводов из его слов. Он явно показал, что ждет от команды исполнения долга против бунтовщиков, и не выказал страха, что она последует дурному примеру. Такая мысль матросам еще не пришла, но может прийти, если дать им время на раздумья. Надо проследить, чтобы они были постоянно заняты. Впрочем, сейчас думать об этом не было нужды, поскольку всякий корабельный день начинался с работы – еще до завтрака им предстояло отдраить палубы.

– Земля! – раздалось с мачты. – Земля справа по курсу!

Утро было туманное, как всегда в Ла-Манше в это время года, но в брезжащем свете Хорнблауэр различил темную полосу между серым морем и серым небом. Фримен изучал землю в подзорную трубу.

– Южный берег залива, – сказал он. – Вон река Кейн.

До Хорнблауэра только начало доходить, что это искаженное на английский манер «Кан», как Фримен огорошил его еще двумя примерами того, что англичанин может сделать с французскими названиями:

– Да, а вот мыс Евы и Харбор-Грейс⁹.

В свете наступающего дня стала ясна позиция ««Порта Цёли»», ближе к южному берегу эстуария Сены.

⁹ Харбор-Грейс (гавань Милости) – английское название Гавра, который по-французски именуется Ле-Авр-де-Грас (по названию церкви Нотр-Дам-де-Грас, Божьей Матери Милостивой).

– Вы весьма похвально вели корабль этой ночью, мистер Фримен.

– Спасибо, сэр Горацио.

Хорнблауэр добавил бы более теплые похвалы, если бы Фримен ответил не так холодно, – что ж, можно простить ему некоторую утреннюю раздражительность. Всякий способный лейтенант убежден, что капитан – тот же лейтенант, только более удачливый: ему повезло однажды и продолжает везти дальше, его доход от призовых денег в три раза больше лейтенантского, он пожинает плоды лейтенантских трудов и спокойно глядит в будущее, зная, что рано или поздно получит адмиральский чин, в то время как повышение лейтенанта по-прежнему зависит от каприза старших по званию. Хорнблауэр отлично помнил, что сам в юности думал точно так же; поведение Фримена естественно, хоть и глупо.

Выкрики лотового на руслене указывали, что глубины вновь уменьшаются: срединная банка осталась далеко позади, а сейчас они пересекали южный фарватер эстуария. Впрочем, осадка «Порта Цёли» позволяла им двигаться свободно: бриг для того и сконструирован, чтобы проникать в устья рек и заливчики, угрожая Бонапарту у его собственных берегов. Власть Бонапарта заканчивается на расстоянии выстрела от береговых батарей, а за этой границей безраздельно властвует Британия.

– Парус на подветренной скуле! – крикнул впередсмотрящий.

Фримен с обезьяньей ловкостью взлетел по грот-вантам и, держась за выбенки, навел подозрную трубу.

– Бриг, сэр! – крикнул он Хорнблауэру несколько секунд спустя. – Это точно «Молния», сэр.

– Руль на ветер, мистер Фримен, будьте любезны, и попробуем к ней подойти.

«Молния» была ровно там, где он рассчитывал ее обнаружить, – в таком месте, где берег защитит ее от почти любого ветра, но достаточно далеко в море, чтобы в случае опасности ускользнуть и от британских, и от французских кораблей. Вскоре Хорнблауэр и сам смог увидеть ее в подозрную трубу: суденышко лежало в дрейфе у самого края мелей. Он не различал – по крайней мере с такого расстояния – признаков какого-либо беспорядка на борту. Интересно, сколько подозрных труб направлено сейчас оттуда на «Порта Цёли», как взволнованно переговариваются бунтовщики при виде брига – первого ответа лордов Адмиралтейства на ультиматум. Каждый из этих людей понимает, что его голова – в петле.

– Они от нас не убегают, – заметил Фримен.

– Посмотрим, как долго это продлится, – сказал Хорнблауэр.

– Что это вы вздумали языками чесать, других дел нет? – неожиданно взорвался Фримен. Он обращался к нескольким взволнованным матросам у фальшборта бака. – Старшина судовой полиции! Запишите имена этих людей и подайте мне список в конце вахты! Эй, боцманмат! Кольер! Займите их работой! Это военный корабль, не пансион для барышень!

Тонкий лучик бледного света пробился сквозь облака и озарил «Молнию» в объективе подозрной трубы. Хорнблауэр увидел, как ее реи поворачиваются. Бриг встал по ветру и заскользил в направлении Орнфлёра. На марселе «Молнии» была заметная заплатка – светлый крест на фоне более темной парусины, словно это корабль крестоносцев.

– Решили нас не ждать, – сказал Фримен.

– Вижу парус! – крикнул впередсмотрящий. – Парус на подветренной раковине!

Подзорные трубы разом повернулись, словно приводимые в движение одной машиной. В дымке за срединной банкой появился корабль под всеми прямыми парусами до бомбрамселей. Он шел к берегу курсом, на котором расстояние между ним и «Порта Цёли» стремительно увеличивалось. Хорнблауэр тут же понял, что это, и не нуждался в подсказке Фримена.

– Французский вест-индеец, – сказал Фримен. – Идет напрямик к Харбор-Грейс.

Воспользовавшись тем, что шторм раскидал британские военные корабли, судно французской Вест-Индской компании прорвало континентальную блокаду и спешит к Бонапарту с зерном и сахаром. Груз, доставленный на Сену, в средоточие имперской власти, откуда расходитесь сеть дорог и каналов, стоит двух в какой-нибудь далекой Бискайской бухте. Маленькие военные суда, такие как «Молния» и «Порта Цёли», для того и строились, чтобы такого не допускать.

– Нам его не догнать, он успеет укрыться в Харбор-Грейс, – пробормотал Фримен.

– Не будем его преследовать, – произнес Хорнблауэр громко. – Наш долг – прежде разобраться с «Молнией». Вот уходят по десять фунтов призовых денег на брата.

Достаточно матросов слышали эти слова – они разнесут их остальной команде. Мысль об утраченных призовых деньгах не добавит симпатий бунтовщикам.

Хорнблауэр вновь повернул подзорную трубу к «Молнии»: она по-прежнему держала курс на Орнфлёр. Глупо вынуждать бунтовщиков сдаться французам, остается лишь проглотить горькую пилюлю.

– Пожалуйста, мистер Фримен, положите судно в дрейф. Посмотрим, что они сделают.

«Порта Цёли», повинувшись парусам и рулю, встала против ветра. Хорнблауэр поворачивал подзорную трубу, наблюдая за «Молнией». Как только стало очевидно, что ««Порта Цёли»» легла в дрейф, «Молния» повторила ее маневр. Теперь она покачивалась на волнах, и Хорнблауэр отчетливо видел в трубу светлый крест заплатки на ее марселе.

– Попробуйте сблизиться еще, мистер Фримен.

«Молния» мгновенно развернулась к Франции.

– Что ж, мистер Фримен, намек понятен. Положите судно в дрейф.

Очевидно, бунтовщики не намеревались подпускать ««Порта Цёли»» ближе, чем на теперешнее расстояние, много превышающее дальность выстрела. Они скорее сдадутся французам, чем позволят британскому кораблю приблизиться еще.

– Мистер Фримен, сделайте одолжение, прикажите спустить шлюпку. Я отправлюсь к этим мерзавцам.

Вступить с бунтовщиками в переговоры – значит обнаружить свою слабость. Однако бунтовщикам и без того известно, как сильна их позиция и слаба его. Они не узнают ничего, кроме того, что знали и раньше: что держат Хорнблауэра, лордов Адмиралтейства и всю Британскую империю на рогатине. Фримен не стал протестовать, что неразумно ценимому капитану подвергаться такому риску. Хорнблауэр спустился в каюту и взял приказы – быть может, надо будет подтвердить свои полномочия. Впрочем, он собирался сделать это лишь в крайнем случае: незачем бунтовщикам знать, что пишут лорды Адмиралтейства. Когда он поднялся на палубу, шлюпка уже была на воде, Браун сидел у румпеля. Хорнблауэр перелез через борт и устроился на кормовой банке.

– Отваливай! – крикнул Браун. Весла коснулись воды, и шлюпка поползла к бригау, приплясывая на невысоких волнах.

Хорнблауэр разглядывал «Молнию»: она лежала в дрейфе, но пушки были выдвинуты, абордажные сетки натянуты. Бунтовщики явно не собирались допустить захвата. Матросы стояли на боевых постах, с марсов наблюдали дозорные, на баке расположился уорент-офицер с подзорной трубой под мышкой – никаких признаков, что на корабле бунт.

– Эй, на шлюпке! – разнеслось над водой.

Браун поднял четыре пальца – универсальный жест, означающий, что в шлюпке капитан. Четыре пальца соответствовали четырем фалрепным, необходимым для церемонии встречи.

– Кто вы? – крикнул голос.

Браун взглянул на Хорнблауэра и, получив кивок, проорал:

– Коммодор сэра Горацио Хорнблауэр, кавалер ордена Бани!

– Мы выпустим commodore Хорнблауэра, но никого больше. Подойдите к борту и не вздумайте шутить шуток – у нас тут приготовлены ядра, чтобы на вас сбросить.

Хорнблауэр выбрался на грот-руслень, матрос приподнял абордажную сетку, чтобы он мог под нее подлезть.

– Будьте любезны, commodore, прикажите шлюпке отойти от греха подальше.

К Хорнблауэру обращался седой старик, судя по подзорной трубе под мышкой, вахтенный офицер. Его белые волосы трепетали на ветру, пронзительные голубые глаза, обрамленные сетью морщин, смотрели из-под белых бровей. Необычным было только одно – заткнутый за пояс пистолет. Хорнблауэр повернулся к шлюпке и отдал требуемый приказ.

– Позвольте спросить, что вам тут надобно, commodore.

– Я хочу поговорить с главарем мятежников.

– Я капитан этого корабля. Можете обращаться ко мне. Натаниель Свит, сэр.

– Мне не о чем с вами говорить, если только вы не главарь мятежников.

– Коли так, сэр, можете подозвать свою шлюпку и покинуть судно.

Патовая ситуация. Хорнблауэр пристально смотрел в глаза старика. Рядом стояли еще несколько человек, но в их поведении не чувствовалось неуверенности – они были готовы поддержать своего капитана. И все же попробовать стоило.

– Матросы! – начал Хорнблауэр, возвышая голос.

– Отставить! – рявкнул старик. Он вытащил из-за пояса пистолет и направил Хорнблауэру в живот. – Еще одно слово в таком духе, и я выпущу в вас унцию свинца.

Хорнблауэр твердо смотрел на него и на дуло пистолета; удивительным образом он совершенно не испытывал страха, как будто наблюдает за ходами в шахматной игре и не помнит, что сам он – одна из пешек и на кону его жизнь.

– Убейте меня, и Англия не остановится, пока вас не вздернут на виселицу.

– Англия отправила вас сюда, чтобы вздернуть меня на виселицу, – мрачно ответил Свит.

– Нет, – возразил Хорнблауэр. – Я здесь, чтобы вернуть вас на службу королю и Отечеству.

– Мы получим полное прощение?

– Вас будут судить честным судом. Вас и ваших сообщников.

– Что означает виселицу, как я и сказал. Виселицу для меня, и это лучше того, что ожидает других.

– Честный суд, – повторил Хорнблауэр. – С учетом всех смягчающих обстоятельств.

– Я готов присутствовать лишь на одном суде, – ответил Свит. – Где я буду свидетельствовать против Чодвика. Полное прощение для нас, честный суд для Чодвика. Таковы наши условия, сэр.

– Вы глупцы, – сказал Хорнблауэр. – Вы отбрасываете свой последний шанс на спасение. Сдайтесь сейчас, выпустите Чодвика, передайте мне корабль в исправном состоянии, и суд все это учтет. Иначе вас ждет смерть. Вот и все. Смерть. Что спасет вас от возмездия? Ничто.

– Прошу прощения, капитан, но нас спасет Бони, – сухо возразил старик.

– Вы верите слову Бонапарта? – проговорил Хорнблауэр, в отчаянии парируя этот неожиданный выпад. – Да, он будет счастлив заполучить судно, но что ждет вас? Бонапарт не станет поддерживать мятежников – его собственная власть опирается на армию. Он выдаст вас Англии для острастки своим людям.

Это был выстрел наугад, и он попал в «молоко». Свит убрал пистолет за пояс, вытащил из кармана три письма и помахал ими перед Хорнблауэром.

– Вот письмо от военного губернатора Харбор-Грейс. Здесь всего лишь обещают, что нас примут. А вот от префекта департамента Внутренней Сены. Он обещает нам провиант и

воду в случае нужды. А это из Парижа, доставлено курьерской почтой. В нем нам обещают неприкосновенность, французское гражданство и пенсию для каждого после шестидесяти лет. Подписано: «Мария-Луиза, императрица, королева и регентша». Бони не откажется от слова, данного его женой.

– Вы вступили в сношения с берегом?! – Хорнблауэр не мог даже изобразить спокойствие.

– Да, – ответил старик. – И вы, капитан, сделали бы так же, если бы вам грозила порка на всех кораблях эскадры¹⁰.

Бесполезно было продолжать этот разговор. Бунтовщики не желали принимать ничьих условий, кроме собственных, и аргументов у Хорнблауэра не осталось. Он не видел признаков раскола на борту. Но, может, если дать им время на размышления... Если они хотя бы несколько часов подумают о том, что за них взялся сам Хорнблауэр, их решимость пойдет на убыль. Может, среди мятежников есть умеренные и они, спасая свою шею, отобьют корабль у главарей. Или команда доберется до спиртного (Хорнблауэр был совершенно ошарашен тем, что взбунтовавшиеся британские моряки не пьяны в стельку). Или произойдет что-нибудь еще. Однако он должен был удалиться гордо, а не поджав хвост.

– Так вы не только бунтовщики, но и предатели? Мне следовало об этом догадаться. Мне следовало знать, что вы за мразь. Я не желаю осквернять свои легкие, дыша одним с вами воздухом.

Он повернулся к борту и подозвал шлюпку.

– Мы такая мразь, – ответил старик, – что отпустим вас, хотя могли бы запереть в кубрике вместе с Чодвиком. Мы могли бы дать вам испробовать девятихвостую кошку, коммодор сэр Горацио Хорнблауэр. Понравилось бы вам *это*, сэр? Вспоминайте завтра: если ваша кожа по-прежнему у вас на ребрах, так это потому, что мы вас пощадили. Желаю здравствовать, капитан.

В последних словах было столько яда, что у Хорнблауэра мороз пробежал по коже: ему отчетливо представилось то, о чем говорил Свит. Подлезая под абордажную сетку, он совсем не чувствовал, что отступает с гордо поднятой головой.

Шлюпка запрыгала на волнах, за ее кормой мерно покачивалась «Молния». Хорнблауэр переводил взгляд с одного брига на другой: два судна-близнеца, единственное отличие – белый крест заплатки на фор-марселе «Молнии». Какая ирония, что даже его опытный глаз не видит разницы между бригом, чья команда хранит верность королю, и кораблем мятежников. От этой мысли ему сделалось еще горше: переговоры с бунтовщиками закончились полным и сокрушительным провалом. Никакой надежды, что они смягчат условия. Ему предстоит выбор: пообещать им безоговорочную амнистию или загнать их в руки Бонапарту. В обоих случаях он покажет себя никчемным офицером: *так* с заданием справился бы последний желторотый мичман. Время пока не торопило, поскольку известие о мятеже еще не достигло флота, но, если среди бунтовщиков не возникнет раскол – а Хорнблауэр не думал, что раскол возможен, – промедление ничего не даст.

Шлюпка была сейчас ровно на половине пути между двумя бригами; с двумя этими судами у побережья Нормандии он столько бы мог сделать! Весь эстуарий Сены оказался бы в его власти! Горечь захлестнула с головой, и тут он решительно взял себя в руки. Ему пришла мысль, а с ней – и привычные симптомы: сухость во рту, покалывание в ногах, учабившееся сердцебиение. Хорнблауэр смотрел то на один бриг, то на другой, а расчеты ветра,

¹⁰ Вид наказания за особо тяжкие преступления (в частности, за бунт), когда назначенное судом число ударов (несколько сотен) делилось на число кораблей эскадры. Осужденного везли в шлюпке от корабля к кораблю, и на каждом ему нанесли требуемое число ударов, покуда врач не приказывал остановить экзекуцию, – она возобновлялась, как только раны заживали, и могла продолжаться от нескольких месяцев до года.

прилива, времени захода и восхода происходили в голове сами собой, без всякого сознательного усилия.

– Поднажмите, ребята, – сказал он гребцам, и они поднажали, но для его теперешнего нетерпения скорость все равно была слишком мала.

Браун глядел на своего капитана искоса, силясь вообразить, что тот придумал; сам Браун, знавший ровно столько же, сколько Хорнблауэр, не видел никакого выхода. Ему было известно только одно: капитан то и дело оглядывается через плечо на мятежный бриг.

– Весла! – рявкнул Браун, и по сигналу вахтенного офицера шлюпка подошла к борту. Загребной уцепился багром за руслень, Хорнблауэр с неловкой торопливостью, которой не мог сдержать, перелез через борт. На шканцах ждал Фримен. Хорнблауэр отсалютовал ему и, еще держа пальцы у треуголки, отдал первый приказ.

– Мистер Фримен, будьте добры позвать парусного мастера. И всех его помощников, и всех матросов, кто умеет держать иголку и гардаман.

– Есть, сэр.

Приказ есть приказ, даже такой дикий: шить паруса во время переговоров с бунтовщиками. Хорнблауэр глядел на «Молнию», которая по-прежнему лежала в дрейфе вне досягаемости для пушек. Фронтальная атака ничего не даст, фланги бунтовщиков надежно защищены, единственная надежда – ударить по их тылам, и, кажется, он придумал, как это сделать. Обстоятельства сошлись невероятно удачно, его дело – не упустить подарок судьбы. Придется пойти на очень большой риск, но он сделает все, чтобы уменьшить шансы провала. Удачлив тот, кто знает, что предоставить случаю.

Перед ним стоял ссутуленный моряк, рядом с моряком – Фримен.

– Свенсон, помощник парусного мастера, сэр.

– Спасибо, мистер Фримен. Видите вон тот залатанный фор-марсель? Свенсон, посмотри на него хорошенько в подзорную трубу.

Старик-швед морщинистой рукой взял трубу и поднес к глазу.

– Мистер Фримен, мне нужен точно такой же фор-марсель для «Порта Цёли». Чтобы их никто не отличил. Это возможно?

Фримен глянул на Свенсона.

– Так точно, сэр. Справлюсь, – ответил Свенсон, переводя взгляд с Фримена на Хорнблауэра и обратно. – У меня есть рулон новой парусины и старые марсели. Справлюсь, сэр.

– Мне нужен готовый парус к четырем склянкам полуденной вахты. Приступайте немедленно.

Тем временем успели выяснить, кто из матросов искусен в шитье парусов. Избранные кандидаты обступили Свенсона; многие ухмылялись во весь рот. Хорнблауэр чувствовал, как предвкушение чего-то необычного расходится по кораблю, словно круги от брошенного в пруд камня. Никто до конца не понимал, что задумал коммодор, но все видели: он готовит какую-то хитрость. Это поддерживало дисциплину и боевой дух лучше, чем будничные распоряжения.

– Итак, мистер Фримен, я предлагаю следующее, – начал Хорнблауэр, подходя к борту. – «Молния» и «Порта Цёли» похожи как две капли воды, а когда мы поднимем новый фор-марсель, станут и вовсе неотличимы. Бунтовщики вошли в сношение с берегом, они сами мне рассказали. Более того, мистер Фримен, они вели переговоры с военным губернатором Гавра. Харбор-Грейс, мистер Фримен. Бони и военный губернатор пообещали им деньги и неприкосновенность, если они войдут в порт. Вместо них войдем мы. А там сейчас тот вест-индеец, которого мы видели утром.

– Мы его захватим, сэр!

– Возможно. Бог весть, что там в гавани, но мы будем готовы ко всему. Выберите двадцать самых надежных матросов и офицера. Объясните каждому, что он должен делать, если

мы сможем захватить приз. Кливера, марсели, штурвал, перерезать якорный канат – вы все это знаете не хуже меня. Мы войдем в гавань с началом сумерек, если ветер не переменится, а я думаю, он не переменится. Странно будет, если мы не найдем, чем досадить лягушатникам.

– Клянусь Богом, сэр, они решат, что это бунтовщики! Подумают, что весь мятеж был только уловкой! И тогда...

– Надеюсь, что так и будет, мистер Фримен.

Глава шестая

Уже близился вечер, когда «Порта Цёли», очевидно, так и не приняв никакого решения, двинулась прочь от «Молнии» и в галфинд пересекла широкий эстуарий. День был по-прежнему туманный, так что ни с «Молнии», ни из Гавра не могли разглядеть, как команда убрала фор-марсель и подняла другой, на который Свенсон и его рьяные помощники наложили крестообразную заплату. Немного времени ушло и на то, чтобы закрасить одно название и написать другое. Хорнблауэр и Фримен были в бушлатах поверх мундиров, чтобы не выдать свой чин. Фримен внимательно оглядывал гавань в подзорную трубу.

– Вот индеец, сэр. На якоре. Рядом с ним лихтер. Ну конечно, они не станут разгружаться у пирса. Погрузят все на лихтеры и баржи и отправят вверх по реке, в Руан и Париж. Как я заранее не сообразил?

Хорнблауэр сообразил заранее. Сейчас он осматривал в подзорную трубу оборонительные сооружения: форты Сент-Адресс и Турнвиль на крутых обрывах над городом, два маяка на мысе Эв, где уже больше десяти лет не зажигали огня, батареи на старом пирсе. Этих последних следовало опасаться больше всего – он надеялся, что артиллеристы фортов не успеют узнать, что происходит внизу, и открыть огонь.

– Дальше в глубь гавани еще много кораблей, сэр, – продолжал Фримен. – Вроде бы даже линейные. Реи не подвешены. Я еще никогда не видел их так близко.

Хорнблауэр повернулся и глянул на запад. Быстро темнело, плотные облака на горизонте и не думали расходиться. Ему надо было войти в гавань со светом, пока видно, куда править, и выскользнуть из нее под защитой темноты.

– Приближается боцманский люгер, сэр, – сказал Фримен. – Нас и впрямь приняли за «Молнию».

– Очень хорошо, мистер Фримен. Отправьте матросов к борту – пусть кричат «ура». Свяжите лоцмана, как только он к нам поднимется. Я поведу корабль.

– Есть, сэр.

Приказ как нельзя лучше соответствовал темпераменту британского моряка. Матросы, войдя во вкус, принялись горланить и размахивать шляпами, приплясывая на месте, – вылитая орда бунтовщиков. «Порта Цёли» обстенила грот-марсель, люгер подошел к борту, и лоцман взобрался на грот-руслень.

– Пошел брасы! – крикнул Хорнблауэр. Грот-марсель вновь наполнился ветром, руль повернулся, и «Порта Цёли» вошла в гавань. Тем временем Фримен плечом сдвинул лоцмана в люк, где два матроса быстро его скрутили.

– Лоцман связан, сэр, – доложил Фримен.

Его тоже захватило общее волнение, так заразителен был стоящий на корабле гвалт. От ироничного спокойствия не осталось и следа.

– Право руля! – скомандовал Хорнблауэр. – Одерживай! Так держать!

– Есть, сэр.

Они приближались к индийцу; большой корабль поворачивался на единственном якоре под обстетенными парусами. К нему был пришвартован лихтер, но разгрузка явно еще не началась. В наступающих сумерках Хорнблауэр с трудом различал десяток матросов: все они стояли у борта и глазели на «Порта Цёли». Он вновь приказал обстенить грот-марсель, и к борту подошел тендер с несколькими официальными лицами. Судя по мундирам, среди них были флотские, армейские и таможенные офицеры. Они вылезли на палубу и, с любопытством поглядывая по сторонам, двинулись к Хорнблауэру. Он тем временем вновь приказал развернуть грот-марсель по ветру и, едва «Порта Цёли» набрала ход и оставила тендер

позади, направил ее к индийцу. В темноте рядом с новоприбывшими блеснули абордажные сабли.

– Один звук – и вы мертвы, – предупредил Фримен.

Кто-то громко возмутился. Матрос ударил его по голове рукоятью пистолета; протесты сразу оборвались, недовольный рухнул на палубу. Остальные от растерянности утратили дар речи; их быстро загнали в люк.

– Очень хорошо, мистер Фримен, – Хорнблауэр нарочито цедил слова, дабы показать, что здесь, во вражеской гавани, он чувствует себя как дома. – Можете спускать шлюпки. Обстенить грот-марсель!

Портовые чиновники наблюдают за бригам в сгущающейся темноте. Если «Порта Цёли» сделает что-нибудь неожиданное, они неспешно начнут гадать, какие неожиданные обстоятельства на борту заставили представителей власти (которые теперь лежали в твин-деке, связанные, с кляпами во рту) отклониться от первоначального плана. «Порта Цёли» замерла на волнах; под скрип блоков шлюпки коснулись воды, в них спустились заранее отобранные матросы. Хорнблауэр перегнулся через борт.

– Помните, ребята, ни одного выстрела!

Весла легли на воду, и шлюпки двинулись к индийцу. Уже практически стемнело; до индийца было всего футов пятьдесят, но Хорнблауэр не видел, как абордажная команда взбирается на борт. До него доносились удивленные восклицания, затем кто-то громко закричал. Люди на берегу должны были удивиться, но едва ли они насторожились. А вот и шлюпки возвращаются, в каждой всего по два гребца. Прицепили тали, шлюпки подняли на борт. Сквозь скрип блоков с палубы индийца донеслись звуки ударов: матрос, которому было поручено перерубить якорный канат, не забыл прихватить из шлюпки топор и успешно выполнил свою задачу. Как же приятно, когда все делается хорошо. Не зря он вчера подробно проинструктировал абордажную команду, объяснил каждому, что тому предстоит делать, и повторял до тех пор, пока все всё не усвоили, – теперь дело идет как по маслу.

На фоне серого неба марсели индийца изменили форму: те матросы, которым это было поручено, выбрали шкоты. Благодарение Богу, что несколько отборных моряков, захвативших в темноте нужный корабль, не запутались и отыскивали нужные концы. Реи индийца повернулись, от его борта отделилось темное пятно – лихтер. Матросы на борту перерубили швартовые тросы.

– Можете сняться с дрейфа, мистер Фримен, – сказал Хорнблауэр. – Индиец за нами последует.

«Порта Цёли» двинулась к юго-восточному выходу из гавани, индиец шел в ее кильватере. Несколько долгих секунд никто не обращал внимания на происходящее. Затем раздался окрик – видимо, с тендера, доставившего официальных лиц. Хорнблауэр давно не говорил по-французски и сейчас ничего не разобрал.

– *Comment?*¹¹ – крикнул он в рупор.

Раздраженный голос вновь спросил, чего это, Бога ради, он делает.

– Якорь... мм-мм... течение... мм-мм... отлив! – проорал Хорнблауэр в ответ.

На сей раз француз помянул не Бога, а черта.

– Кто вы, черт побери, такой?

– Мм-мм мм-мм мм-мм! – прогудел Хорнблауэр и тихо приказал рулевому: – Приводи к ветру. Помалу.

Одновременно говорить по-французски и вести корабль сложным фарватером, как бы хорошо Хорнблауэр ни изучил его на карте, было свыше человеческих сил.

– Ложитесь в дрейф! – прогремел голос.

¹¹ Что? (фр.).

– Извините, капитан! – крикнул Хорнблауэр. – Мм-мм... якорный канат... мм-мм... не можем.

Новый громкий окрик с тендера, на сей раз в угрожающем тоне.

– Так держать! – приказал Хорнблауэр рулевому. – Мистер Фримен, будьте любезны, поставьте на руслень лотового.

Он знал, что больше драгоценных секунд не выгадать: к тому времени, как лотовый начал выкрикивать глубины и стало ясно, что бриг пытается выскользнуть из залива, официальные лица на берегу уже наверняка и без того поняли, что дело нечисто. Редкую дымку разорвала вспышка света, и над водой прогремел ружейный выстрел: капитан тендера воспользовался самым простым способом привлечь внимание береговых батарей.

– К повороту! – рывкнул Хорнблауэр. Приближался самый сложный этап выхода из гавани.

Паруса захлопали, корабль пересек носом линию ветра. Из темноты вырвался длинный язык пламени, громыхнул выстрел: на тендере наконец-то выдвинули и зарядили погонную шестифунтовку. Хорнблауэр не слышал, как пролетело ядро. Он смотрел на индийца, смутно различимого на фоне белой кильватерной струи брига. Большой корабль уверенно повернул оверштаг. Подштурман Калвери, которого Фримен порекомендовал старшим в абордажный отряд, – толковый офицер; его надо будет отметить в рапорте.

И тут пирс озарился вспышками и огласился ревом: установленные там тридцатидвухфунтовые орудия наконец открыли огонь. Вслед за грохотом последнего выстрела неожиданно послышался свист летящего ядра; непонятным образом Хорнблауэр успел подумать, как же он ненавидит этот звук. Им предстояло обогнуть пирс – значит, они будут под огнем несколько минут. Пока Хорнблауэр не видел повреждений ни у брига, ни у захваченного индийца. Отвечать на огонь не имело смысла: шестифунтовки «Порта Цёли» для батареи не угроза, а вот целить на вспышки канонирам было бы легче. Впрочем, второй залп раздался не скоро. Бонапарт наверняка забрал всех опытных артиллеристов в Германию, оголив береговые батареи. Необученные рекруты, которых в темноте по тревоге отправили к пушкам, естественно, справляются с делом из рук вон плохо. Наконец снова блеснуло пламя и раздался грохот, но как летит ядро, Хорнблауэр не услышал. Видимо, канониры утратили всякое представление о цели – неудивительно в такой тьме. А ему вспышки помогали уточнить свою позицию.

С носа раздался крик впередсмотрящего, и Хорнблауэр, повернувшись в ту сторону, с трудом различил темный квадрат – грот лоцманского люгера прямо по курсу, совсем близко. Люгер пытался преградить им путь.

– Так держать! – крикнул Хорнблауэр.

Пусть уступает дорогу тот, кто слабее. С оглушительным треском люгер и бриг столкнулись правыми раковинами. Бриг содрогнулся, люгер проскрежетал по его борту. Что-то зацепилось и тут же оторвалось, суда разошлись. С люгера донесся истошный крик; видимо, от удара его нос раскололся, как яичная скорлупа, и в пробоину хлынула вода. Хорнблауэр отчетливо слышал, как оборвался крик, словно пловца захлестнули волны. Индеец по-прежнему шел в кильватере брига.

– Восемь сажень! – крикнул лотовый.

Хорнблауэр приказал сменить галс; в тот же самый миг батарея дала еще один бесполезный залп. Ясно было, что к тому времени, как орудия перезарядят, оба корабля будут уже вне опасности.

– Операция проведена образцово, мистер Фримен, – громко сказал Хорнблауэр. – Вся команда превосходно выполнила свой долг.

Кто-то в темноте закричал «ура», остальные подхватили. Матросы орали как безумные.

– Хорни! Старый чертяка! Да здравствует Хорни! – выкрикнул кто-то, и ор сделался еще громче.

Из-за кормы тоже неслось «ура» – немногочисленная призовая команда присоединилась к общему ликованию. У Хорнблауэра защипало в глазах, и тут же ему сделалось стыдно за свои теплые чувства к этим простодушным дурачкам.

– Мистер Фримен, – резко приказал он. – Велите матросам замолчать.

Авантюра была чудовищно опасной не только для его жизни, но и для репутации. Если бы «Порта Цёли» оказалась сильно повреждена или попала в плен, никто бы не задумался о его настоящих мотивах – убедить французские власти, что бунт на «Молнии» не более чем уловка с целью проникнуть в гавань. Нет, все бы решили, что Хорнблауэр воспользовался случаем пополнить свой кошелек: бросил бунтовщиков и погнался за призом. Вот что все бы сказали – и внешние обстоятельства дела подкрепляли бы это мнение. Хорнблауэра ждал бы вечный позор. Он рисковал не только жизнью и свободой, но и честью. Он легкомысленно ввязался в игру с огромными ставками ради незначительного результата – ввязался по всегдашней своей глупости.

И тут черная волна реакции схлынула. Он просчитал риск, и его расчеты оправдались. Бунтовщикам не скоро удастся вернуть доверие французских властей – если вообще удастся. Хорнблауэр представил, как верховые гонцы скачут сейчас к батареям Орнфлёра и Кана – предупредить артиллеристов о коварстве неприятеля. Он отрезал бунтовщикам путь к отступлению, лишил их тыла. Он щелкнул Бонапарта по носу под жерлами береговых орудий на главной реке Франции. И захватил приз. Его доля составит по меньшей мере тысячу фунтов, а тысяча фунтов – это всегда приятно. Барбара найдет, на что их потратить.

Внезапно он понял, как непомерно устал – всплеск чувств забрал последние силы, – и уже собирался сказать Фримену, что идет вниз, но одернул себя. В этом нет никакой надобности: если коммодор не на палубе – значит, у себя в каюте, и Фримен прекрасно сам это сообразит. Хорнблауэр устало спустился по трапу и рухнул на койку.

Глава седьмая

– Мистер Фримен свидетельствует вам свое почтение, сэр, – сказал Браун, – и просит сообщить, что светает, погода ясная, сэр. Ветер зюйд-тень-вест, сэр, умеренный. Мы в дрейфе, и приз тоже, прилив заканчивается, сэр.

– Очень хорошо.

Хорнблауэр встал с койки. Он еще не до конца проснулся; в каюте было холодно и в то же время душно даже при открытом кормовом окне.

– Я вымоюсь, – неожиданно объявил Хорнблауэр. – Поди скажи, чтобы вооружили помпу.

Он чувствовал, что не сможет прожить грязным еще день, ноябрь или не ноябрь. Матросы у помпы встретили его появление удивленными возгласами и шутками. Не обращая на них внимания, Хорнблауэр сбросил халат; один матрос боязливо направил на него струю из парусинового шланга, второй качал помпу. Ледяная вода обожгла кожу, Хорнблауэр нелепо запрыгал и завертелся, ловя ртом воздух. Он показал жестом «хватит», но матросы не поняли, а когда он попытался сбежать, направили струю ему вслед.

– Отставить! – завопил Хорнблауэр, окоченевший и почти захлебнувшийся. Безжалостная струя наконец иссякла.

Браун закутал его в большое полотенце и растер пошедшую мурашками кожу. Хорнблауэр тем временем приплясывал и дрожал.

– Я бы в неделю не согрелся, если бы попробовал такое, сэр, – заметил Фримен, с любопытством наблюдавший за представлением.

– Да, – ответил Хорнблауэр, пресекая разговор.

Он оделся в каюте при закрытом окне, чувствуя, как по телу растекается блаженное тепло, затем жадно выпил принесенный Брауном обжигающий кофе. Его переполняла приятная, неожиданная бодрость. Он легко избежал по трапу обратно на палубу. Уже почти рассвело; можно было различить захваченный индеец, который лежал в дрейфе под ветром от брига на расстоянии в половину пушечного выстрела.

– Приказы, сэр Горацио? – спросил Фримен, козыряя.

Хорнблауэр огляделся, выгадывая время. Он преступно позабыл о делах; он не вспоминал о долге с самого пробуждения, а вернее, с тех пор, как вчера повалился на койку. Надо сейчас же отправить призыв в Англию, но в таком случае с ним надо отослать письменный рапорт... При одной мысли о рапорте ему сделалось тошно.

– Пленные, сэр, – напомнил Фримен.

Черт, он позабыл о пленных. Их нужно допросить, записать, что они скажут. Хорнблауэр одновременно чувствовал бодрость и глубочайшую лень – необычное сочетание.

– Им наверняка есть что рассказать, – неумолимо продолжал Фримен. – Лоцман немного понимает по-английски, и мы вчера пригласили его в кают-компанию. Он говорит, Бони получил очередную взбучку. Под городом, который называется Лейпциг или что-то в таком роде. Лоцман говорит, русские через неделю перейдут Рейн. Бони уже в Париже. Может быть, это конец войны.

Они переглянулись; уже целый год мир ждал окончания войны, и много надежд расцвело и увяло за это время. Но русские на Рейне! Английское вторжение с юга не сокрушило империю – что ж, может быть, ее сокрушит этот новый натиск. Впрочем, многие – и Хорнблауэр в том числе – предрекали, что первое же крупное поражение Бонапарта на суше положит конец и его славе непобедимого полководца, и его правлению. Не исключено, что нынешние пророчества так же ошибочны.

– Вижу парус! – крикнул дозорный с мачты и тут же: – Это «Молния», сэр!

Бриг бунтовщиков был там же, где вчера; разошедшийся туман на миг явил его взглядам и тут же сомкнулся вновь. Затем налетел порыв ветра и унес туман окончательно. Хорнблауэр принял решение, которое так долго откладывал:

– Корабль к бою, мистер Фримен, будьте любезны. Мы их вытащим из норы.

Разумеется, другого пути не оставалось. В первый же час после захвата вест-индийца из Гавра во все окрестные французские порты поскакали гонцы: сообщить, что британский бриг с белым крестом на марселе ведет двойную игру. До этой стороны эстуария новость добралась примерно к полудню: гонец мог переправиться через реку на пароме в Кильбёфе. Все ждут, что бриг совершит еще одно нападение, и левый берег реки – самое подходящее место для атаки. Промедлить значит дать бунтовщикам шанс устранить недоразумение; если на берегу узнают, что в заливе Сены два английских брига-близнеца, мятежники будут спасены. Нельзя терять ни часа.

Все очень ясно и логично, и тем не менее Хорнблауэр, стоя на шканцах, нервно сглотнул. Бой предстоит беспощадный – и очень скоро. На палубу «Порта Цёли» обрушится град картечи. Быть может, час спустя он будет лежать убитым или кричать под ножом корабельного врача. Вчера ночью ему угрожало поражение, сегодня угрожает смерть. Приятное тепло от купания улетучилось, по телу пробежал озноб. Хорнблауэр яростно оскалился от жгучего презрения к себе и принялся расхаживать по крохотным шканцам нарочито легкой походкой. Все дело в воспоминаниях, сказал он мысленно, это они лишают его мужества: память о том, как Ричард семенит рядом, крепко сжимая ручонкой отцовский палец, память о Барбаре... даже о Смолбридже и Бонд-стрит. Он не хочет расставаться с «цветущим пределом радостно-светлого дня»¹². Он хочет жить, а ему, возможно, скоро предстоит умереть.

¹² Т. Грэй, «Элегия на сельском кладбище», пер. В. Жуковского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.